

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ БУТОРИН
МУТАНТ

FUTURE CORP.

Метро

Андрей Буторин

Метро 2033: Мутант

«АСТ»

2014

Буторин А. Р.

Метро 2033: Мутант / А. Р. Буторин — «АСТ», 2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-084653-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Когда приходишь в себя в дремучем лесу, изуродованном радиацией, не помня, кто ты, откуда и почему оказался здесь...когда твой вид вызывает почти у всех только два чувства – страх и агрессию...когда вспышка ярости в любой момент может обернуться реальной вспышкой...когда единственная надежда вернуть память – ни много ни мало Дед Мороз, и он совсем не похож на доброго волшебника из сказки...когда грешники человечнее святых, и ни в ком нельзя быть уверенным наверняка..... всему есть только одно объяснение: ТЫ – МУТАНТ!

ISBN 978-5-17-084653-5

© Буторин А. Р., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Русланович Буторин

Мутант

Фантастический роман

Выражаю искреннюю признательность:

- моей двоюродной сестре Любе Кузнецовой за консультации, связанные с местом действия романа;*
- моей коллеге Оле Тетериной за предоставленное стихотворение;*
- моей коллеге Лоле Кудряшовой за то, что подгоняла меня, не позволяя сачковать;*
- моей жене Марине, сыновьям Максиму и Денису за вдохновение и поддержку.*

*В дорогу – живо, или в гроб ложись!
Да, выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь,
Мы к ней для верности прикованы цепями.*

*А кое-кто поверил второпях —
Поверил без оглядки, бестолково, —
Но разве это жизнь, когда в цепях,
Но разве это выбор, если скован!*

* * *

*Но знаю я, что лживо, а что свято, —
Я понял это все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята,
Мне выбора, по счастью, не дано.*

В.С. Высоцкий

Глава 1

Пробуждение

Ветер тихо шумел в макушках разлапистых, изуродованных радиацией сосен. Но внизу, над землей, покрытой мутировавшим высоким белесым мхом, было почти безветренно. Теплый летний воздух пропитался смолистым сосновым ароматом, яркие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, раскрасили их стволы праздничной позолотой.

Но стоявшего на коленях возле одной из сосен тщедушного, одетого в залатанный пиджачишко мужчину вовсе не трогало все это лесное благолепие. Он озабоченно хмурил куцые, выцветшие брови и шевелил тонкими, обветренными губами, словно задавал сам себе беззвучные вопросы, на которые не знал ответов. Мужчина то и дело или нервно скреб украшенную редкими белесыми волосенками голову всеми шестью пальцами левой руки, или поглаживал ее правой, вовсе беспалой ладонью.

Близко и глубоко посаженные блекло-серые глаза мужчины смотрели при этом вниз, на лежащего навзничь возле его колен, утонувшего в высоком мху человека. Впрочем, на человека

тот походил мало. Грудь и плечи его были шире, чем у обычного, средней комплекции мужчины едва ли не вдвое. Мускулистые волосатые руки тянулись вдоль тела и касались колен кончиками толстых и грубых пальцев с черными, похожими на когти ногтями. Но ужасней всего выглядело лицо этого существа: оно почти целиком поросло грубой черной щетиной, даже на вид казавшейся жесткой, как проволока, а свободные от нее верхние части щек, широкий мясистый нос и лоб покрывала темная, словно припорошенная сажей кожа. Надбровные дуги шерстистым козырьком выпирали над глубокими глазницами, что делало бы лицо этого жуткого создания похожим на лицо неандертальца, если бы не высоченный лоб, каким вряд ли могли бы похвастаться и самые «головастые» представители современного человечества. Остальную поверхность черепа украшала все та же короткая темная «проволока», отчего голова напоминала ворсистый черный шар с вытравленным в виде устрашающей маски чуть более светлым узором.

А вот одето существо было вполне по-человечески. Мало того, новизной и качеством его одежда выгодно отличалась от наряда первого мужчины. Штаны и куртка из толстой, добротной хлопчатобумажной ткани темно-серого цвета шились определенно не вручную. Возле головы валялась сделанная из того же материала высокая кепка. На ногах сидели отличные кожаные сапоги. Рядом во мху лежал защитного цвета рюкзак, также фабричного пошива.

Все это намекало на то, что жуткое создание принадлежало все-таки к роду людей из семейства гоминид в отряде приматов, но вот можно ли было его отнести к виду *Homo sapiens* – вопрос оставался открытым. Наверное, все-таки да, но тогда если определение «мутант» и подходило кому наиболее полно, то данное существо располагалось в этом списке на одной из верхних строк.

Стоявший на коленях мужчина досадливо поморщился, вздохнул, еще раз поскреб многотрадную плешь и боязливо направил к мутанту шестипалую руку. А тот вдруг, словно почувствовав это движение, раздвинул и без того широченные ноздри и с шумом втянул в себя воздух.

Плешивого подбросило, словно пружиной. Вскочив на ноги, он метнулся к росшему неподалеку кустарнику. Прыгнул за него, упал и замер, вжавшись в землю. Затем он все же приподнял голову, чтобы не упускать из виду мутанта, однако разглядеть его теперь не мог – мешали кусты и то обстоятельство, что высокий мох полностью скрывал лежавшее в нем тело.

Между тем спавшее или находившееся до тех пор в отключке страшилище начало приходить в себя. Еще раз шумно принохавшись, мутант раскрыл глаза. Радужки оказались настолько темными, что различить их цвет было проблематично, они выглядели почти черными, будто продолжение зрачков. И еще – из глаз словно лился свет, если, конечно, свет в принципе мог быть черным.

Существо повернуло голову в одну сторону, в другую, затем одним рывком село и начало пристально оглядываться. Тут его взгляд упал на собственные руки, и странное создание дернулось так, словно увидело нечто совершенно неожиданное и страшное. Мутант начал судорожно ощупывать себя, провел ладонью по щетинистому лицу и, снова вздрогнув, застонал. Медленно, будто сомнамбула, он поднялся на ноги и обвел окружавший его лес непонимающим взглядом. Меж деревьев блеснуло зеркальной гладью маленькое озерцо. До него было не более пяти-шести десятков шагов, и несчастный страшила бросился к воде, будто решившийся на крайний шаг самоубийца. Однако он вовсе не собирался топиться, а подбежав к черной стоячей воде, всего лишь заглянул в нее как в зеркало.

Дикий рев отчаяния и боли пронесся по лесу, отражаясь многоголосым эхом. Казалось, даже ветер утих в кронах сосен, потрясенный холодом безысходности и ужаса, наполнявшего этот крик.

Существо размахнулось и ударило кулаком по воде. Волны исказили отражение, сделав его гротесково-абсурдной иллюстрацией ночного кошмара.

– Мутант!.. – простонал носитель страшного облика. – Я – мутант...

Голос его, низкий и хриплый, все же звучал вполне по-человечески. Возможно, это вернуло мутанту самообладание. Он пару раз глубоко вдохнул, потряс головой и наклонился, чтобы зачерпнуть горсть воды и охладить пылающее от возбуждения лицо.

Но сделать этого страшила не успел. Поверхность озера отразила не только его самого, но и стремительно летящее на него из-за спины что-то большое и темное. Реакция мутанта оказалась безупречной. Прыгать в сторону было уже поздно, и он просто резко присел. Быстрая тень мелькнула над головой, и, перепуганно скуля, что-то плюхнулось в озеро, обдав страшилище брызгами.

Не дожидаясь, пока прилетевшее нечто придет в себя, мутант ринулся в озеро. Тут же зачерпнул воды в сапоги – плевать! – и, не останавливаясь, добрался до барахтающегося метрах в трех от берега грязно-блеклого кома живой плоти. Добрался – и в ужасе замер, когда на него сверкнули беспощадной желтизной глаза хищника. Да и глядели они с такой уродливой морды, что сам себе по сравнению с этим «художеством» страшила стал казаться почти красавцем. Однако кто именно находится перед ним, разбираться ему было некогда. Понятно, что тоже мутант, только из животного мира. Скорее всего, волк, который, отчаянно молотя лапами, подплыл уже почти вплотную и разинул жуткую зубастую пасть.

– На! – опуская на голову хищного уroda кулак, выдохнул страшила. Волк, или кто там еще, беззвучно ушел под воду.

Мутант развернулся к берегу. И увидел, что там, опасаясь лезть в воду, его поджидают еще два «волка», а трое других бегут к озерцу от кромки леса.

Теперь он смог хорошо рассмотреть хищников. Пожалуй, это действительно были мутировавшие волки. В процессе видоизменения они потеряли почти всю шерсть – остатки ее скудно покрывали морщинистое, сплошь в гнойниках и коростах, белесое тело жалкими омерзительными клочками – а заодно и хвост. Зато само туловище стало длиннее и гибче, лапы – тоже длиннее, к тому же толще; причем на передних появилось что-то вроде коротких когтистых пальцев. А вот на морды этих «мутоволков» смотреть было совсем уже тошно, по-настоящему, в самом что ни на есть буквальном смысле. В первую очередь, наверное, потому, что абсолютно безволосые, на лысом черепе, они очень уж напоминали лицо человека. Но человека до отвращения уродливого, больного проказой или опаленного страшным пожаром. Нет, подробности мутант уже просто не мог рассматривать, понимая, что его вот-вот вырвет. Но стоять почти по пояс в воде, дожидаясь, пока мутоволки уберутся восвояси, он тоже не собирался. Во-первых, неизвестно, когда они уберутся, и уберутся ли вообще, а во-вторых, ему было почему-то стыдно стоять вот так, мокрому, загнанному в эту лесную лужу какими-то плешивыми шавками. Казалось бы, какая разница, все равно же никто не видит, – а вот стыдно, тем не менее, и все тут!

«Эх, сейчас бы ножик хороший!» – подумал мутант и машинально хлопнул себя сбоку по поясу. На удивление, ладонь опустилась на что-то твердое. Страшила поднял полу куртки и увидел притороченные к брючному ремню ножны.

– Бывают же чудеса, – доставая отличный охотничий нож, пробормотал мутант. – Может, мне еще о чем помечтать, о пулемете каком завалющем, к примеру?...

Но пулемет к нему с неба, увы, не свалился. Пришлось справляться подручными средствами. Точнее, одним подручным и самими руками непосредственно. И он неплохо справился: решительно выбравшись на берег, тут же полоснул ножом по горлу прыгнувшего на него мутоволка. Второй, подбиравшийся сбоку, увидев это, опасливо попятился, но мутант достал его кулаком – благо руки у него были длинными. Мутоволк взвизгнул, упал, подогнув передние лапы, но тут же вскочил и, разъярившись от боли, бросился в атаку. Однако, наученный опытом беспечного собрата, прыгать не стал, а нацелился зубами в ноги, намереваясь перекусить сухожилия жертвы. Тем более что та как раз отвлеклась на подбирающихся к ней трех других

особей. Но жертвой все-таки довелось стать самому псевдоволку – мутант, вроде даже и не глядя, пнул того под челюсти так, что практически сорвал с позвоночника череп, и мутоволк отлетел к воде линиялой порванной тряпкой.

С новой троицей мутант тоже не стал церемониться. Прыжок к одному, взмах, удар ножом в спину, брезгливое движение сапогом – в сторону, падаль! Крутанулся на пятке к другому, мощный пинок в живот – счастливого плавания,дохлятина! А вот третий все-таки прыгнул – от отчаяния, что ли? Ну так на, получай! Сверкнув холодной молнией, клинок вспорол смельчака от паха до горла.

Страшила, ничуть не запыхавшись, вновь подошел к озерку и тщательно – даже песочком протер – вымыл нож. И не успел вложить его в ножны, как услышал из леса истошное:

– Спасите! А-а-ааа!!! На помощь!..

Крики звучали оттуда, где совсем недавно мутант пришел в себя. Чтобы добежать туда, ему потребовался лишь десяток-другой секунд. Остановившись, он завертел головой – поблизости никого не было видно.

– Мопогите! Ай!..

Голос доносился сверху. Страшила задрал голову и увидел почти на самой макушке сосны обвившего ствол руками и ногами человека. При этом одной ногой он еще и безуспешно пытался спихнуть прильнувшего ниже его к дереву... мутоволка!.. Хищник, вцепившись когтями в ствол, шелкал челюстями в попытке ухватить досаждавшую ему ногу.

«Ну дела! – мысленно ахнул мутант. – Эти твари еще и по деревьям лазают?!»

Оказалось, еще как! Чуть опустив взгляд, страшила увидел, как снизу по сосне карабкается еще один мутоволк. У мутировавших от воздействия радиации сосен ветви начинали расти с самого низа ствола, как у елей. И плешивый хищник воспользовался этим обстоятельством с исключительной ловкостью. Хватаясь короткими пальцами за ветки, он карабкался вверх легко и быстро, словно по ступеням. Еще немного, и несчастной жертве не поможет уже ничего – сразу от двух мутоволков отбиться станет попросту невозможно.

Страшила, сжимая в руке нож, подбежал к сосне и замер, соображая, что предпринять. Лезть наверх? Но под его тяжестью верхние тонкие ветви наверняка обломятся. Может обломиться и сама верхушка, и тогда они вместе с попавшим в ловушку мужчиной рухнут с этой верхотуры и переломают себе кости... Даже если останутся живы, то ненадолго – мутоволки прекратят их мучения в два счета. Срезать сук потолще и сбить им волков?... Но пока он его срезает, те уже позавтракают верещащей человечинкой.

Мутант с ненавистью уставился на зубастых уродов. Злоба вперемешку с отчаянием захлестнули его с неожиданной силой. Даже на пару мгновений темная пелена затуманила взор. А когда зрение снова вернулось к нему, страшила увидел, что сосна... полыхает огнем, словно она была спичкой, которой чиркнули о небо.

Вопли несчастного мужчины стали и вовсе истошными. К ним добавился и жалобный вой обожженных мутоволков, которые через пару мгновений один за другим ссыпались на землю, ломая по пути горящие ветки.

– Прыгай! – задрав голову, крикнул мутант затянутой густым дымом макушке сосны.

– Не-е-еет!!! – донеслось оттуда, а потом кричавший тут же закашлялся и, то ли поняв, что другого пути и впрямь нет, то ли не в силах терпеть более жар и дым, тоже полетел вниз, рассыпая искры сбитой при падении горячей хвои.

Мутант поймал его возле самой земли. Не удержавшись на ногах, повалился в высокий мягкий мох, но тут же вскочил и, прижимая к себе упавшего человека, отбежал от горящей сосны подальше и лишь тогда, встав на колени, разжал руки, выпуская из них спасенного. Впрочем, спасенного ли?... Мужчина лежал с закрытыми глазами без каких, либо признаков жизни. Перепачканное сажей лицо было неестественно бледным. Его пиджак дымился сразу в

нескольких местах. Страшила несколькими осторожными – не добить бы бедолагу! – хлопками потушил тлеющую ткань и припал к груди мужчины ухом.

Биения сердца он расслышать не сумел – слишком громко у самого стучало в висках, – зато услышал другое.

– Щекотно... – не раскрывая глаз, пробормотал мужчина.

– Что?... – вскинул голову мутант.

– Я говорю, мне щекотно... было. От твоих волос. У тебя там плетка, что ли? – Говоривший по-прежнему лежал без движения и был все так же бледен. Глаза его тоже оставались закрытыми.

– Какая... плетка? – нахмурился страшила, полагая, что несчастный бредит. – Ты молчи, береги силы, я сейчас воды принесу.

Он принялся было вставать, намереваясь сбегать к озерку и хотя бы в сапоге принести воды, но мужчина снова заговорил:

– Нет, не плетка. Какая еще плетка?... Щетка, вот. Да-да, щетка. Твои волосы – щетка. Я путаю иногда слова, не обоснуй.

– Не обессудь, – машинально поправил мутант. – Ты сам-то как?

Потерпевший поднял наконец веки и приподнял голову. А увидев своего спасителя, завопил так, что у того заложило уши.

– Не бойся, – буркнул страшила. – Не трону я тебя.

– Т-т-ты уже тронул... – заикаясь и дрожа выдавил из себя мужчина. Попытался сесть, но не смог – удалось лишь перекатиться на бок, спиной к мутанту.

– И что теперь? Не надо было? Снова тебя на дерево забросить и собачек позвать?

– Н-не н-надо с-собачек... Т-только ты... т-ты чего т-такой-то?...

– Какой уж есть! – огрызнулся страшила. – Оклемался – и иди своей дорогой! А я своей пойду.

– А куда ты идешь? – повернул голову переставший заикаться погорелец.

– Куда надо, туда и иду, – сказал мутант и подумал: «А ведь и впрямь, куда мне идти? Да и кто я вообще-то такой?...»

Будто подслушав его мысли, мужчина спросил:

– А... кто ты?...

– Мутант, не видишь, что ли?!

– Ладно-ладно, не злись. Я просто... это... с непривычки. На тебя почаналу смотреть жидковато.

Мутант, хоть и был еще раздражен, не выдержал и рассмеялся:

– Где у тебя жидковато, в штанах?... Аккуратней надо пугаться!

– Да нет, я опять... это... слова спутал. Хотел сказать «жутковато».

– Жутковато – не смотри, – снова помрачнел страшила.

– Да ладно, ты не черсая. Я чуток попривык уже.

– А нечего ко мне привыкать! Иди давай, куда шел!

– Так это... некуда мне идти... – отвернулся погорелец. Потом все-таки сел, начал ощупывать себя, горестно вздыхая, обнаружив очередную прогоревшую дырку в пиджаке.

Мутанту бросилась в глаза его беспалая ладонь. Причем видно было, что пальцы на ней когда-то были – на месте их остались коротенькие обрубки с неровными багровыми рубцами.

– Почему некуда? В лесу, что ли, живешь?

– Да можно сказать и так, – потупился мужчина. – Нет у меня бошле дома. Жив остался – и то ладно. Хотя... Может и лучше, если бы прибили, – махнул он шестипалой рукой.

Его лишний палец тоже не остался без внимания страшил.

– За это, что ли? – кивнул он на руку собеседника. – За мутацию?

– Да не... Там у нас все с мутациями. Просто морозильники кругом.

– Какие еще морозильники?... – задумался страшила. В голове у него забрезжила некая ассоциация с этим словом, но ухватить он ее, как ни пытался, не смог. Почему-то вспомнилось лишь название города – Великий Устюг ¹. Поэтому он неуверенно спросил:

– Ты из Устюга, что ли?

– Нет, я из Лузы. Слышал? Кировская область, милокетров сорок отсюда. А морозильники – не морозильники, нет. А эти... как их?... холодильники. Нет... отморозки, во!

И он, торопясь, глотая и безудержно путая одни слова и переставляя буквы в других, стал рассказывать, что всю жизнь прожил в Лузе, никого не трогал, даже семью не завел («месью», поначалу сказал он, и мутант не сразу понял, о чем тот, в голову пришла было не очень похвальная для рассказчика ассоциация). Зато с самого детства любил письменное слово, все время что-то писал, писал, дневник вел, даже сарказмы (как выяснилось, рассказы) сочинял. А потом придумал городскую газету выпускать. Ну как газету – рукописный листок парой-тройкой десятков экземпляров раз в месяц. Описывал разные местные события да расклеивал по городу. А какие там события? Кого-то убили, кого-то ограбили... В общем, за эту газету и поплатился. Те, о ком он в очередной раз написал, пришли к нему, избili, отрубили пальцы (которыми он якобы писал – не знали, к счастью, что он левша от рождения), да из города вышвырнули, обещая убить, если увидят его в Лузе еще когда-нибудь.

– Вот и брожу я, скакаюсь по лесам, – закончил мужчина свое повествование. – Хорошо если приютят в какой деревушке на ночь, картохой-другой накормят. И я прошу тебя!.. – встал он вдруг на колени и молитвенно сложил руки. – Не прогоняй меня! Мне все равно, куда ты пойдешь – я за тобой, как босычка... собачка, то бишь... Я тебе во всем мопогать буду! Ты вон какой герой, из огня меня спас! Я все твои подвиги записывать стану, буду твоим пистолетцем!

– Кем?... – округлил глаза мутант. Хоть он уже и стал привыкать к оригинальному стилю речи своего собеседника, но на сей раз аналогии сказанному он найти не сумел. Не стрелять же этот беглый лузянин из себя предлагает! Чем – даже домысливать не хотелось.

– Пистоле... то есть, этим... как его?... летописцем. У меня и блокнот толстый есть, и ракандаш, ты не думай! – полез за пазуху «пистолетец».

– погоди, – остановил его мутант и усмехнулся. – Ты извини, но я понять не могу, как ты чего-то писать умудряешься, если и связать-то два слова толком не можешь?

– Это я устно не могу, мутация, наверное, такая. А письменно – о-го-го!

– Так вот, – посмурнел опять страшила. – Никакого мне ни пистолетца, ни летописца не надо. Подвигам я больше совершать не собираюсь, да и идти мне тоже некуда.

– Почему?

– Потому что я не знаю, куда мне идти! – рявкнул мутант. – Потому что я вообще не знаю, кто я такой! Не помню я ничего о себе, понял?! Я очнулся вон под той сосной, словно гриб какой безмозглый!..

– Подсосновик... – пролепетал погорелец.

– Ага, подхреновик!.. – выругался страшила, и вспышка гнева в нем сразу погасла, навалилась лишь внезапная усталость.

– Тогда тем более, – сказал мужчина.

– Что?...

– Тем более нам нужно вместе дежраться. Вдвоем-то селевей. И не так страшно... А как тебя зовут, помнишь?

– Говорю ж тебе, гриб... – вяло буркнул мутант.

¹ Великий Устюг (прежнее название Устюг) – город в России, административный центр Великоустюгского района Вологодской области. Великий Устюг располагается в 450 км к северо-востоку от Вологды на левом берегу реки Сухоны против слияния ее с рекой Юг, на судоходных линиях этих рек и Северной Двины. Один из древнейших городов на русском Севере, сохранивший богатое культурное наследие. С 1999 года объявлен родиной всероссийского Деда Мороза. (*Материал из Википедии, прим. автора*)

- Тогда уж Глеб. Точно, давай ты тогда Глебом будешь?
- Пусть так, мне все равно. А у тебя, пистолетец, имя есть?
- Ну... Так вот, ты же сам сказал: Пистолетец. Так и дальше зови.
- Что, не доверяешь? Думаешь, в Лузу твою побегу, сдам тебя «морозильникам»?
- Нет-нет, – замотал головой Пистолетец. – Протсо моя старая жизнь закончена. Я новую хочу начать. С чистого глиста!
- Нет уж, – поморщился новоявленный Глеб, – вот только давай без глистов как-нибудь обойдемся.
- Так ты согласен?! – вскочил на ноги мужчина.
- Посмотрим. Как вести себя будешь. Только что нам дальше делать, я все равно не знаю.
- Лично я бы для чанала покушал... – скромно потупился Пистолетец.

Глава 2

К людям

Покушать Глебу и Пистолетцу удалось, и даже вполне неплохо. Сам Глеб в первые мгновения после «пробуждения» находился в такой прострации, что даже не заметил лежащего возле себя рюкзака, зато его новый спутник, оказывается, его видел, о чем и сказал мутанту. Помимо рюкзака там же нашлась и матерчатая кепка, которую Глеб тут же нацепил на голову.

А содержимое рюкзака порадовало обоих. Там оказалась буханка хлеба, большой кусок копченого мяса, мешочек вареной «в мундире» картошки, полная брусничного морса фляга, а также две смены чистого белья, толстые шерстяные носки, небольшой зачехленный топорик и упаковка спичек – целых десять коробков.

– Ого! – увидев спички, выпучил глаза Пистолетец. – Вот это да! Такое богатство! – Видимо, от волнения он даже не перепутал ни слова. – Откуда же ты такой взялся?...

– Говорю же тебе, не помню! – раздраженно бросил Глеб. – И где ты тут увидел богатство?

– Спички. У нас в Лузе их днем с гонем не сыщешь! На один такой бокорок можно столько еды выманить!.. Так что давай их особо не тратить. Ой, изыди, ты же хозяин, так что как хочешь. Но я бы не стал.

– А я вот стану! – буркнул мутант. – Сейчас устрою фейерверк сразу из всего этого богатства.

– Зачем?! – с болью в глазах простонал Пистолетец.

– А затем, что нечего мне идиотских советов давать! Я память потерял, а не мозги.

Пистолетец испуганно притих и стал похож на поджавшую хвост провинившуюся собаку. Впрочем, назревающая была ссора – на пустом, в общем-то, месте – потухла, так и не разгоревшись, чему способствовали аппетитнейшие запахи, распространяющиеся из рюкзака.

Поев, повеселели оба.

– Ну что, – сказал Глеб. – Коли уж навязался мне в провожатые – давай, веди.

– Куда?... – заморгал Пистолетец.

– Да все равно, куда. Не торчать же здесь! Ты же сам говорил, что все тут вокруг исходил, вот и соображай, куда лучше податься. Может, в деревню какую, к людям. Поговорим, порасспросим.

– Ну... ты хоть понмишь, что здешние люди – это мутанты?

– Это я, даже если бы не помнил, смог бы сообразить. Какая тут может быть защита от радиации?

Глеб сказал это и задумался. Все-таки, оказывается, он забыл далеко не все. Про радиацию помнит, про то, что в деревнях и селах района живут только «дикие» мутанты, тоже знает. Так, стоп!.. Почему именно «дикие»? Значит, есть какие-то еще?... Вот сам он, например – «дикий» или нет? Судя по одежде и содержимому рюкзака – не очень-то похоже. А на что похоже? Кто же, леший его побери, он такой и откуда?! И почему оказался в этом лесу?... Кстати, если он знает, что в деревнях живут только мутанты, то где-то еще могут жить и немутировавшие люди? Где? И не оттуда ли он сам?... Правда, он-то как раз мутант, но ведь для себя уже сделал предположение, что не «дикий»... Может, там, откуда он, живут как «недикие» мутанты, так и обычные люди? Вполне возможно... Да-да, так, оно, наверное, и есть! Ну, давай, вспоминай!

Глеб изо всех сил напряг память. Даже зажмурился от усердия. И... кое-что действительно вспомнил! Мрачные кирпичные стены. Тусклый электрический свет. И полки с книгами. Много-много книг! О, книги!.. Добрые, умные, верные друзья...

– Эй, ты что, заглох? – вернул Глеба к действительности встревоженный голос Пистолетца.

– Не груби! – буркнул недовольный мутант. Надо же, как обидно, ведь начал уже что-то вспоминать, а тут этот приставучий огрызок!..

– Нет-нет, я нет... Я просто испугался. Зову тебя, зову, а ты молчишь. И глаза закрыты. Думал, хлопо тебе. Плохо, то есть. Худо.

– Эх, хлопнул бы я тебе, чтобы тоже худо стало! Ладно, куда ты там меня звал, обормот говорливый?

– Я еще по той, прошлой... нет, уже позапрошлой жинзи помню, что где-то тут должно быть большое село Ильинское. Там раньше и школа была, и гамазины, и почта, и даже церковь. Разрушенная, правда.

– Разрушенная церковь?... – насупился Глеб. В его мозгу от этого словосочетания вновь началась некая реакция, но устойчивой ассоциации так и не возникло.

– Это не я! – торопливо выпалил Пистолетец.

Мутант, не удержавшись, фыркнул.

– Ай-яй-яй! Как же мы теперь без церкви-то? Надеюсь, хоть почту ты пощадил? Да и школа нам сейчас – во как нужна!

– Я правда ничего не разрушал!.. А зачем нам церковь? И почта? И школа?... Не думаю, что они сейчас таробают, даже если целы.

– Как это зачем? Разрушать! Страсть как люблю почты со школами рушить.

– 3-зачем?...

Мутант развел и согнул в локтях руки, сжал кулаки, напряг мускулы.

– Так ты посмотри на меня. Я же истинный разрушитель!

Выражение лица Пистолетца стало таким обалдевшим, что Глеб не выдержал и расхохотался.

– Да шучу я, шучу, – отсмеявшись, сказал он. Но не сдержался и добавил: – Я разрушаю только живое. Веди давай в свое Ильинское.

* * *

Село Ильинское и впрямь оказалось близко. Сначала путники вышли на сильно заросшую травой и кустарником дорогу. Пистолетец обрадовался, затараторил, что это точно та дорога, которая им нужна, что она тут одна всегда была, что теперь они считай дошли, что все будет замечательно и прекрасно, и что-то еще, маловразумительное и пустое – Глеб перестал вникать в смысл этого тарактенья. Он шел и думал о своем. Пытался вспомнить, кто он такой и почему здесь оказался. Ничего из этого не вышло. То есть по-прежнему вспоминались темные кирпичные стены и книги, много книг. А еще что эти стены всплыли у него в памяти после упоминания Пистолетцем разрушенной церкви. Наверняка ведь неспроста! Но о чем это может говорить – неужели о том, что он жил в разрушенной церкви? Маловероятно. Если она разрушена, то как же в ней можно жить?... Ладно, что там еще? Название Великий Устюг вспомнилось после того, как Пистолетец сказал о морозильниках. Может, он из этого самого Устюга? Кто его знает, все может быть, конечно. Но при чем здесь какие-то морозильники? Снова загадка без ответа.

А еще Глебу вспомнилась вдруг вспыхнувшая сосна. Что это было? На небе в тот момент не наблюдалось ни облачка, так что молнию можно было исключить сразу. Неосторожное обращение Пистолетца с огнем? Так у того и спичек-то нет, да и как от одной спички может сразу вспыхнуть целое дерево? Или здесь от воздействия радиации создалась некая аномалия? Но разве такое от радиации бывает?... Короче говоря, очень странное происшествие. Пожалуй, не

менее загадочное, чем тайна его собственного происхождения. И никакого намека на решение этих загадок!

Между тем, дорога вывела путников к цели. Завидев впереди дома, Глеб остановился.

– Ты чего? – обернулся прошедший вперед Пистолетец.

– Да вот думаю, не делаем ли мы ошибку...

– Ошибку? Какую?

– Что идем сюда. Ладно бы деревушка была маленькая, а тут, смотри, и впрямь большое село. А вдруг здесь чужаков не любят? С толпой мне будет не справиться.

– Так ты же мутант! И я тоже, хоть до тебя мне нелегко. А тут тоже мутанты живут. Почему они должны нас не любить?

– А почему должны любить? Чужаки и есть чужаки. К тому же, здесь живут «дикие» мутанты, а мы... – Глеб запнулся и призадумался. А ведь и правда, кто они с Пистолетцем для местных? Ну, ладно еще лузянин – скажет правду, да и все. Беженца должны пожалеть. Вон, хоть руку свою беспалую покажет в доказательство – и уже сочувствие вызовет. А сам Глеб? Что скажет он? Правду?... Кто в такую правду поверит? Сказать, что тоже «дикий» откуда-нибудь издалека – так одет слишком уж цивильно. Раздеться разве что и голышом переть? Так ведь за зверюгу какую примут с его-то внешностью, на вилы поднимут еще...

Наконец он принял решение и сказал:

– В общем, так... Я пока остаюсь здесь, а ты иди в село. Походи, поприглядывайся. Узнай, у кого можно остаться на ночлег – на всякий случай ночи на две-три. Если станут спрашивать, кто ты такой и откуда, говори правду, ничего не выдумывай. Но вообще болтать старайся поменьше. Больше смотри и слушай. И обрати внимание, как с тобой будут себя вести сельчане. Целоваться, конечно, вряд ли полезут, но если хотя бы не драться – уже хорошо.

– Ага, а если?... – Пистолетец изобразил лаконичный жест кулаком в скулу.

– Ничего, переживешь. Да и на кой ты им сдался руки о тебя пачкать?

– А как же ты? Что, прямо здесь ченовать будешь?

– Ты вот насчет своих «ченовать» там поосторожней, кстати! Контролируй себя. А то ляпнешь что-нибудь ненароком – не только в село не пустят, а еще и по шее наваляют.

– Ну... – развел руками Пистолетец, – постараюсь...

– А насчет меня... Когда найдешь того, кто согласится тебя пустить, тогда и скажешь ему обо мне. И тоже правду. Да опиши меня поточней и покрасочней, чтобы мое появление хозяина не шокировало. Если после этого откажет – не спорь, ступай искать того, кто согласится. А потом дождись, когда начнет смеркаться, и бегом сюда. А я пока тут вот, под кустиком покемарю.

Пистолетец помялся, собираясь, видимо, что-то спросить, но потом махнул шестипалой рукой и споро зашагал в сторону села.

Спохватившись, Глеб выкрикнул вслед:

– Только ты Пистолетцем себя не называй! Распугаешь народ... Скажи, что тебя зовут... Толей.

Эффект от этого был такой, словно мутант бросил в своего спутника камнем. Тот будто споткнулся, сжался, замер, а потом медленно, точно и впрямь ожидая удара, повернулся.

– А ты как узнал, – настороженно выдавил Пистолетец, – что меня Толей зовут?... Я ведь тебе не говорил.

– Раз не говорил, то как я мог узнать? Пистолет... Вот тебе и Толя! Сказал первое, что на ум пришло. Или ты что, до сих пор думаешь, что я прихвостень твоих «морозильников»? Так неужели бы ты меня, такого приметного, ни разу в своей Лузе не увидел? И неужели бы я тебя спасать тогда стал?... У тебя что, с мозгами совсем непорядки?

– Нет-нет, – замотал головой Пистолетец. – Просто я как-то... не дожидал... – Он снова повернулся лицом к Ильинскому и быстро, почти бегом, затрусил вперед.

– Идиот малахольный!.. – пробормотал Глеб. Затем зашел за ближайший куст, вытянулся на траве, подложив под голову рюкзак, и на самом деле решил поспать до сумерек. Был, конечно, риск стать добычей хищников, но, во-первых, жилье рядом, вряд ли тут зверье толпами разгуливает, во-вторых, он отчего-то был уверен, что даже во сне услышит и учует приближающуюся опасность, а в-третьих, что же теперь, всего и всех бояться? Пусть лучше всё и все боятся его.

Однако поспать Глебу толком не удалось. Казалось, только смежил веки, а вот уже пресловутое чутье выдернуло его из сонного состояния, заставило схватиться за нож и бесшумно вскочить на ноги. Тревога оказалась ложной, это всего лишь вернулся Пистолетец.

– Ты чего так быстро? Я же сказал тебе до сумерек ждать! Или тебя все-таки прогнали?

– Не, не прогнали, – расцвел улыбкой лузянин. – Наоборот, зовут нас.

– Кто это нас зовет? И почему во множественном числе? Там что, так много желающих нас принять?

– Ага. Там сразу десять, а то и больше жимуков брови таскают.

– Друг у друга? – угрюмо поинтересовался Глеб.

– Что друг у друга?... – перестал улыбаться Пистолетец.

– Брови таскают. Волосы уже повывергали, теперь за брови принялись. Ты что, трепло, сразу всем про меня выболтал? Я тебе что говорил?

– Так ты же сам!.. Ты же это... рассказать тому, кто меня захочет простить... постить... пустить!.. А они все захотели! Вот я всем и...

– Вот прям-таки все? – прищурился Глеб.

– Ну, – замялся Пистолетец, – трое сразу сказали: ночуй... Я же не мог им троим на ухо про тебя пештать! Другие бы того... замосневались.

– Зато теперь я мосневаюсь, на кой хрен я с тобой связался, – сверкнул глазами мутант. – Теперь они там нас, наверное, с вилами да кольями поджидают.

– Не... – залепетал съезжившийся лузянин. – Они не с кольями... они с бревнами.

– Что?! – осекся Глеб. – С какими еще бревнами?

– Так я же сказал: они бревна таскают. Дом кому-то борисаются строить.

– Тьфу ты, косноязыкий! Брови, брови!.. Догадайся тут, что это у тебя бревна так называются... И ты, значит, всей этой коdle про меня и выложил? И что они?

– Не поверили. Заскали, что обезьян тут не водится. Да еще говорящих.

– Вот кто из нас говорящая обезьяна, так это ты! Болтливая, глупая, косноязыкая обезьяна. Макака!.. Все, быстро делаем отсюда ноги!

– Но... как же?... – замахал руками Пистолетец. – Ждут же!..

– Тебя ждут, ты и иди, – забросил рюкзак за спину Глеб. – Авось пожалеют убогого, не зашибут. А мне еще пожить маленько хочется.

– Так живи, – раздалось из-за куста. – Хошь и не маленько. Леса, вон, избу срубить, всяко хватит.

– На гроб его еще меньше понадобится, – сжав ручку ножа и собравшись в комок, буркнул под нос мутант.

Глава 3

Ильинское

Показавшийся перед Глебом мужчина на первый взгляд выглядел вполне обычным человеком. Невысокий, плотный, – как говорится, крепко сбитый – он был одет в серые, из грубой ткани штаны, обут в лапти и сжимал в здоровенном кулачище топор. Выше пояса крепыш был обнаженный, и вот тут-то у Глеба пропали всякие сомнения – перед ним стоял все-таки мутант, поскольку тело незнакомца сплошь покрывали большие, неприятного «мясного» цвета пятна, кожа шелушилась так, что выглядела мохнатой, да к тому же пестрела коростами и язвами. Таким же пятнистым оказалось и лицо, которое несколько скрашивали лишь густые темные борода и усы. Голову покрывал бесформенный засаленный картуз, который мужчина на миг приподнял и вновь натянул на довольно обширную, усыпанную язвами лысину.

– Коли о гробах тока думать, – сказал он, прищурившись, – пошто и жить-то тогда?

– Подумаешь тут, когда, вон, с топорами встречаются, – мотнул головой на руку собеседника Глеб.

– Так не знаем ишшо, чем тебя встречать, вот и... – усмехнулся в усы пятнистый, но тут же себя оборвал: – Ладно. Откель сам-то? Кто таков? Страшон уж ты шибко...

– Какой уж есть, – буркнул Глеб. – А вот откуда я и кто – мне и самому неизвестно. Память я потерял. Тебе этот, что ли, не сказал? – кивнул он на Пистолетца.

– Сказать-то сказал, да тока кто ж теперя пустым сказкам верит? Одно ладно, что мутанты вы, а то бы и вовсе говорить ничо не стал. Тока вот не «дикие» вы... Эвон, одежда на тебе какая баская! Из городу ты, парень.

– Может, из города – говорю же, не помню ничего, – нахмурился Глеб. – А ты, коль не веришь иль испугался меня, то так и скажи сразу, мы дальше пойдем.

– Я уже в мамкином пузе никому не верил. А пужаться тебя мне непошто. Чай, не один я тут, – мотнул головой назад мужчина. – Как бы вам самим не напужаться, коли чо...

– Ладно, короче: пустите нас переночевать? – начал терять терпение Глеб.

– Так уж сказано было – Толяну, вон, – пустим. Ты хоть звать-то тебя помнишь как?

– Глеб, – буркнул мутант.

– И то ладно. А меня Макусином зови, – мужчина повернулся и призывно махнул рукой: – Идем! С мужиками покумекаем, чо с вами делать.

– Я же роговил!.. – радостно зашептал двинувшемуся следом Глебу Пистолетец, но тут же получил в бок локтем и сразу заткнулся.

На самом краю села, чуть в стороне от пронзавшей его насквозь дороги, и впрямь занимались строительством; около десятка мужчин, таких же коренастых и бородатых, как Макусин, и тоже по пояс раздетых, ставили сруб. Увидев возвращающегося товарища, они прекратили работу, разогнули спины и пристально уставились на «гостей» – вернее, на «гостя», поскольку Пистолетца они уже видели, да и выглядел Глеб, что ни говори, куда экзотичней своего плюгавого спутника.

Глеб всем своим видом старался показать, что ему эти «гляделки» совершенно безразличны, но сам при этом отмечал тонкости настроения встречающих: мужики тоже старались казаться невозмутимыми, но в некоторых взглядах сквозило неумное, почти детское любопытство; какие-то выражали неприятие, даже брезгливость; в каких-то читался откровенный страх. А еще он заметил, что все без исключения мужчины являлись несомненными мутантами – почти у всех, в большей или меньшей степени, кожу покрывали такие же, как и у Макусына, «мясные» пятна, коросты и струпья. У троих были лишние пальцы на руках, у одного вместо

правого глаза выпирала кожистая шишка, еще один демонстрировал култышку третьей руки, торчавшую из центра грудины.

Не доходя до строителей шагов пять-шесть, Глеб и Пистолетец остановились. Макусин же подошел к своим товарищам и сказал, мотнув головой на Глеба:

– Вот он. Не помнит ничо: кто таков, откель... Что скажете?

– Так ить как он и помнить-то станет? – неуверенно проговорил обладатель култышки. – Он же этот... обезьян...

– Не, Степан, не мели напраслины! – замотал головой еще один местный. – Гли-ко, одет-то он по-человечьи, справно.

– А чо, на обезьяна, што ль, пижнак со штанами не натянуть? – встал на защиту первого мужика кто-то еще.

– Кто это станет такое добро переводить? Совсем кто шальной разве... Гли-ко, материя у одежды баская ² какая!

– Да и где тутока обезьяну-то взяться, дурилы? – подключился к спору очередной мужчина. – Откель он сбежал бы? Зоопарков, поди, и в Вологде не было.

– Так ить и волки раньше по деревьям не лазили. И коркодилы по небу не летали. Мы-то, вон, тоже красавцы...

– Мы рядом с ним красавцы и есть, – нервно хохотнул тот, что с култышкой.

Глебу надоел этот бессмысленный треп. Ему ничуть не было обидно, просто он и впрямь заскучал. Он даже зевнул. И деликатно поинтересовался:

– Вы еще мозоли на языках не натерли? А то потом есть больно будет.

Строители разом дернулись и замерли, будто каменные статуи.

– Говорящий... – наконец выдохнул кто-то.

– Твою ж тудыть в кочерыгу! – взорвался вдруг молчавший до этого Макусин. – Мужики, вы чо, ошалели? Или брагой опились, пока меня не было? Вы чо, волосьев николь не видавали? Ну, поболе их у парня, чем у нас, так чо с того? Он ужо и не человек теперича? У тебя, вон, Мартын, у самого баба волосатая, так ты ж ее не в зоопарку каком нашел – сама такая уродилась.

– Дык вить то баба... – забормотал одноглазый, оказавшийся Мартыном. – И у Таньки моей рожа-то без волос. Да и титьки ишшо...

– С титек-то сам, поди, волосья оборвал? – загоготал кто-то из мужиков, и это будто стало неким сигналом – все остальные тут же подхватились, грохнули в десяток глоток, и сразу расслабились, преобразились, перестали выглядеть ошалевшими болванами.

Хохотал вместе с ними и Пистолетец. Да и сам Глеб, заразившись, не смог удержаться – растянул губы в улыбке.

Отсмеявшись, мужики определенно подобрели; смотрели на путников уже не удивленно, не пугливо, не настороженно, а с толикой некоторого превосходства, или, скорее, попечительства: дескать, мы тут хозяева, вы наши гости, так что сильно не духаритесь, знайте свое место, тогда и мы вас в беде-обиде не оставим.

– Вот что, – посмотрел на отправившееся уже к закату солнышко Макусин, – с избой на сегодня шабаш, все одно – какая теперича работа... Глеб с Толяном ко мне пойдут – на повети ³ места хватит.

– А чо к тебе-то? – выступил вдруг обладатель недоразвитой третьей руки Степан. – У нас повети тоже имеются.

² Баская – красивая. (Прим. ред.)

³ Поветь – помещение под кровлей нежилой постройки. В сельской местности Вологодской области так называют сеновал, расположенный, как правило, над хлебом. (Прим. автора)

Мужики одобряюще было загудели, но Макусин цыкнул на них, подобрал лежавшую в траве под кустом грубую серую рубаху, неспешно ее натянул и сказал:

– Повети у всех имеются. Тока гостей на всех все одно не хватит. Не драться же теперь из-за них? Вот я их и возьму к себе. А вы, кто желает, подгребайте ко мне, как солнышко сядет. Манька моя картохи наварит, вы тож чего ни есть пожевать с собой волоките – посидим, побалакаем.

– У меня бражка есть, свекольная, – заикнулся кто-то.

– Бражку само собой волоките, – кивнул Макусин. – У меня тож ее малость имеется. Тока шибко много не тащите, по баклажке на брата – и хватит. А то завтра робить ⁴ не заможете.

Мужики натянули сложенные под кустом рубахи, похватали инструмент и шустро разошлись по домам – готовиться к «вечеринке». Видать, не так уж часто выпадали им такие праздные часы, да и поговорить с необычными гостями хотелось определенно всем.

Дом самого Макусина оказался поблизости – через две избы от строящейся. У него была даже не изба в точном понимании этого слова, не бревенчатый сруб, а крытый потемневшим от времени, потрескавшимся шифером, сложенный из также почти черного уже бруса «коттедж» на два крыльца – построенный еще наверняка до Катастрофы. Собственно, из таких на две семьи «коттеджей» состояла едва ли не половина Ильинского.

Во дворе у Макусина, возле покосившегося сарая, был врыт в землю большой дощатый стол с грубыми скамьями вдоль каждой стороны. Вероятно, хоть, может, и не часто, посиделки хозяин устраивать любил. А возможно просто его семья предпочитала в теплую пору трапезничать на свежем воздухе.

Метрах в трех от стола, с двух его сторон, чернели два обложенных закопченными камнями круга. Хозяин набрал дров из сложенной вдоль изгороди поленицы, сложил их в кострищах. Поджигать пока не стал – было еще довольно светло, хотя солнце уже село. Кивнул Глебу с Пистолетцем на скамью возле стола, приглашая садиться, сам же зашел в дом, но скоро вернулся с деревянной баклагой и тремя алюминиевыми кружками. Две наполнил доверху, в одну плеснул на дно. Полные поставил перед гостями, поднял полупустую:

– Давайте, за знакомство.

– Может, подождем остальных? – спросил Глеб.

– И с остальными успеете. Вы-то находились сегодня, так что с устатку шибко добро́ будет... Да и не робить вам все одно завтра, так что и поболе принять можно.

Собственно, Глеб догадывался, чего добивается хозяин: подпоить гостей, чтобы языки развязались – авось и проговорятся, брякнут то, что ранее скрыть собирались. Но поскольку Глеб все равно ничего не помнил, то опасаться собственной болтливости ему было незачем, а унять взбудораженные мысли и нервы определенно хотелось. Так что спорить он не стал, взял кружку, чокнулся с хозяином и Пистолетцем и принялся жадно глотать ядреную, отдающую свеклой брагу – собственно, он только сейчас понял, что уже давно испытывает жажду, так что хмельной напиток пришелся весьма кстати не только в качестве «успокоительного».

Стоило Глебу и Пистолетцу опустошить кружки, Макусин тут же наполнил их снова. Себе наливать не стал, но кружку приглашающим жестом поднял:

– Чтоб память вернулась.

Глеб про себя лишь усмехнулся: его догадка оправдывалась, хозяин в самом деле торопится их напоить, чтобы развязать языки. И хоть ему, кроме завтрашнего похмелья, перебор выпитого ничем не угрожал, осушать вторую кружку не стал, отпил с четверть, не более. И сам решил попробовать разговорить Макусина.

– Вот ты говорил, что мы не «дикие», – сказал он. – А кто тогда? Какие могут быть варианты?

⁴ Робить – работать. (Прим. ред.)

– Варьянты? – почесал корявую плешь Макусин. – Варьянтов не шибко много. Ну, Толян, знамо, мутант с Лузы, тут варьянт простой. Коли не врет, конечно, – бросил он на Пистолетца хлесткий, с прищуром взгляд, и лузянин, поперхнувшись брагой, закашлял, заерзал, замахал руками:

– Кхе!.. Не... кхе-кхе!.. Не рву я! Кхе-кхе! Зачем мне? У меня вон что, – ткнул он под нос Макусину беспалую ладонь, – а ты...

– Ладно, ладно, – отодвинул хозяин от лица руку гостя. – Не гоношись. Это я так, для примеру, – и продолжил, обращаясь уже непосредственно к Глебу: – А вот ты... Ты, брат, из городу, по рукам да по одеже видно.

– По рукам? – уставился на свои ладони Глеб. – А что по моим рукам видно? Волосатые они, только ладошки и голые. Ну и ногти у меня черные, на когти больше похожи. Так разве в городе у всех такие? А если в городе, то в каком?

– Волосатые, поди, не у всех, – усмехнулся Макусин. – И когти, небось, не у всякого растут. А только вот нетути ни у кого в деревнях таких гладких ладошек. Не робил ты, Глебушка; ни топора, ни лопаты в руках не держал, земли не пахал, сена не косил, картошки не копал. А вот што за город... Так либо Луза, либо Устюг – другие-то далеко, да и живет ли там кто – незнамо.

– Нет, не Луза, – замотал головой уже слегка захмелевший Пистолетец. – В Лузе бы я... бы я бы... бы... это... такого зверилу не смог не того... бы.

– Сам ты зверила! – пихнул его в бок Глеб. – Ты еще больше выпей, а то у тебя пока «бы» слишком хорошо получается.

– Прости, – заморгал Пистолетец. – Я хотел... это... верзила...

– Ты вообще лучше помалкивай. Тут без тебя хоть бы в чем разобраться, – буркнул мутант и вновь посмотрел на хозяина. – Так значит Устюг?

Макусин пожал плечами, плеснул себе, снова на доньшко, браги, выпил.

– Знамо, Устюг. А коли так – морозовец ты, не иначе. Ежели, конечно, Святая в каратели мутантов брать не стала.

– Что? – нахмурился Глеб. – Какой еще «морозовец»? Какая Святая? Ты ясней говорить можешь? А то тоже, как этот вон, – кивнул он на погрустневшего Пистолетца, – про морозильников плел...

Тут он осекся и замер. Так вот какую ассоциацию вызвали у него те самые «морозильники»-отморозки из Лузы!.. «Морозовцы». Конечно же, «морозовцы»! Это слово он определенно раньше слышал. И не раз. Но кто это такие, вспомнить все равно не мог, как ни старался. Равно как и то, был ли он сам этим самым морозовцем.

– Что, вспомнил? – по-своему понял его реакцию Макусин.

Но ответить Глеб не успел – во двор один за другим потянулись давешние мужики-строители. Хозяин же направился к приготовленным в кострищах поленьям – хоть в первой половине лета на севере ночи не темные, однако период пика «белых ночей» уже закончился, так что для лучшего освещения, а особенно для отпугивания озверевших комаров костры были хорошим и в данном случае, пожалуй, единственным средством.

Мужчины, как им и было велено, принесли с собой еду и выпивку. Но если хмельное здесь водилось только одного сорта – разве что двух разновидностей: брага свекольная и брага ягодная, – то съестное отличалось несколько бóльшим разнообразием. Пришедшие выложили на стол как уже упоминавшуюся вареную картошку, так и пареную репу, морковь (прямо с грядки, с ажурными зелеными хвостиками), горох в стручках и он же россыпью, рыбу – копченую и вяленую (кто-то принес сырую, свежеевыловленную, и Макусин передал ее показавшейся на миг из дома жене), а одноглазый Мартын расщедрился даже на половину курицы, хорошо прожаренной, с аппетитной румяной корочкой.

Браги же, хоть и предупреждал работников Макусин, оказалось все же больше, чем требовалось. Так, во всяком случае, думалось Глебу, хотя у его соседей по столу наверняка имелось собственное, прямо противоположное мнение. Но как бы то ни было, хмелели мужики быстро, а мутанту хотелось прояснить и расширить полученные от Макусина сведения. Да что там, он просто горел от нетерпения продолжить начатый разговор, ведь сейчас могло наконец выясниться, кто он такой и откуда. Пусть без «почему», «зачем» и «как», но хотя бы что-то...

И он, осушив залпом полкружки браги, не выдержал. Вперил тяжелый взгляд на хозяина и громко, перебивая сумбурный застольный гам, спросил:

– Так кто я все-таки, морозовец или каратель?

За столом тотчас повисла тишина. Напряженная и недобрая. Угрожающе поблескивали красным отражающие пламя костров глаза. Глебу стало совсем неудобно.

– Чего вы примолкли-то все? – выкрикнул он. – Что я не так сказал? Я ведь не помню ничего, повторил только, что Макусин говорил.

– Ты говорил? – повернулся к хозяину сидевший с ним рядом мужик. – Откель знаешь, что он каратель?

– Да ничо я не знаю! – прихлопнул по столу ладонью Макусин. – Ишь, нахохлились, расщеперились ⁵, как куры под петухом... Я сказал, что из Устюга он, не иначе. А коли так, то морозовец, али каратель, кто ишшо-то?

– Не, не может он карателем быть, – выдохнул Семен, у которого из-за культяпки третьей руки нелепым горбом топорщилась спереди рубаша. – Туды ить мутантов не берет.

– Так в сами каратели, поди, и не берут, – прищурился Макусин. – А ежели в прихвостни ихние, в шпиены?... Он тут позыркает, непорядки унюхает, да своим и доложит. А те уж и пришлепают.

– Да какие шпионы, какие каратели?! – вскочил Глеб. – А если морозовец – лучше?... Что вы вообще тут мелете? Хоть объясните, в чем вы меня подозреваете?

– Объясним? – сверкнул на хозяина единственным глазом Мартын.

– Сам объясню, – буркнул Макусин и рыкнул на Глеба: – А ты сядь! Ишь, вскочил, как волдырь на жопе!.. И налей себе браги-то, поуспокойся чуток. Покуда ты мой гость, никто тебя не тронет, будь ты хошь сама Святая с яйцами.

Кто-то гоготнул, остальные подхватили. Обстановка разрядилась, хотя напряжение окончательно не ушло.

Глеб сел, налил браги, хотел выпить, но его тронул за рукав Пистолетец и шепнул:

– Мне тоже блесни. Страшно...

– Не бойсь, – шепнул в ответ Глеб, но браги напарнику «блеснул». Примерно с треть кружки.

Остальные тоже потянулись за баклажками, наполнили емкости, выпили, приготовились слушать Макусина.

Тот же лишь помочил усы, едва ли сделав и пару глотков. Потом обхватил ладонями кружку и заговорил, глядя в нее, словно наблюдая в хмельном содержимом некое действие.

Говорил он медленно, веско, но из-за скудости лексикона и местечкового коверканья слов не очень понятно. Впрочем, главное Глеб все-таки уяснил.

Из рассказа Макусина выходило, что Великий Устюг сильно разрушен, в том числе и храмы. В подземельях под ними и в древних подземных ходах живут не мутировавшие люди – так называемые «храмовники», над которыми стоит некто «Святая». На поверхности для них слишком большой уровень радиации, поэтому вылезают они из подземелий редко, да и то лишь в защитной одежде и масках. Зато наверху в пределах города обитают люди-мутанты, возглавляемые «Дедом Морозом» – тоже мутантом, выдающим себя за легендарную личность,

⁵ Расщепериться – широко разместить: расставить ноги, распустить перья, рассестись и т. д. (Прим. ред.)

за что и получили неофициальное название «морозовцы». А по району рассеяно много сел и деревень, больших, таких, как Ильинское, и совсем маленьких, зачастую всего в две-три избы. Их также населяют мутанты. Причем, многие из них хотят жить в городе, где за прошедшие после Катастрофы пару десятков лет стало довольно безопасно и комфортно. Но храмовникам не нужно столько потенциальной опасности у себя под боком. Они запрещают «диким» мутантам появляться в городе. Опасаясь группирования «диких» в большие организованные сообщества, храмовники запретили им создание новых коллективных поселений. «Диким» мутантам запрещено также иметь детей и владеть огнестрельным оружием. Имеется ряд и других категоричных запретов. Для контроля за исполнением этих «законов» храмовники периодически устраивают облавы по району, но далеко «дотянуться» им затруднительно. В основном инспекционно-карательные рейды проводятся по рекам с помощью весельных «галер» – переоборудованных речных катеров и теплоходов.

– И вот кто ты таков, – закончил свое выступление хозяин, – нам покуда неясно.

Глеб обвел взглядом сидящих за столом. Кто-то подозрительно разглядывал его, кто-то пьяно хмурил брови, улыбок на лицах больше не было. Видать, у каждого имелось что вспомнить, навеянное рассказом Макусина.

И тут неожиданно подскочил Пистолетец.

– Да итить вашу так! – заверещал он, размахивая беспалой ладошкой. – Путицы вы безлоговые! Уж если кто и шпион ваших махровников, так это я, не Глеб.

– Пошто так?... – от изумления даже не обидевшись на «безлоговых путиц», уставился на него Макусин. Впрочем, как и все остальные, включая самого Глеба.

– А пото, что шпион должен быть немазетным, как мышка, не влеприкать никакого внимания... Он своим в доску во всем должен закататься, да еще и жалость завывать. Вот как я, – Пистолетец опять покрутил изувеченной ладонью. – А от такого шпиона, – кивнул он на Глеба, – все ж разбежаться да тряпаться станут. Чего он тут вам нанюхает?

– А ить он дело говорит, – вымолвил один из мужиков.

– Так и чо, шпиен, значит, Тол... ик?... – пьяно икнул еще кто-то.

Все опять загудели, некоторые начали с угрожающим видом подниматься со скамей.

– Так, ну-ка, ша! – со всей мочи вдарил кулаком по столу Макусин. – Всем сидеть и слушать, что я скажу. Кто бы они ни были, сейчас они мои гости. А ежели кто моих гостей тронет – того потрогаю я. Как я трогать умею, вы все тутoka знаете. Да и не каратели они никакие, это и прям я сдуру пернул. Морозовец Глеб, не иначе. А морозовцы нам не враги. Потому так я скажу тебе, Глебушка, – повернулся он к мутанту: – Коли и впрямь ты ничо не помнишь, то начинай-ка жить заново. Вот прямо у нас тутoka и начинай. Покуда у меня поночуete, а там мы вам избу срубить подмогнем – и живите себе. «Галерщики» сюды редко добираются – рази что по весне когда, коли река разольется, да и то не каждый год, а через два-три на пятый... Так-то мелко здесь, не пройти их корытам. А боле кто тутoka вас тронет? Живите да живите. С бабами у нас, правда, хреново, ну да помрет кто из мужиков – они шибче баб дохнут – возмешь тады вдовушку. А там и Толяну кака-нить достанется.

– Так и чичас, вон, Макариха есть, – подал голос Мартын.

– Макариха есть, – кивнул Макусин. И хмыкнул. – А ты сам-то бы лег с ей?...

– Ежели тока и ентот глаз выколоть! – испугался одноглазый.

– Вот и мне-ка совестно об ей гостям говорить, – вновь усмехнулся хозяин. Но тут же вновь стал серьезным и спросил у Глеба: – Ну так что, остаетесь?

– Погоди, Макусин, – нахмурился Глеб. – За предложение и доверие спасибо, но я вот что подумал. Если я и впрямь морозовец, то мне в Устюг надо. Меня же свои всяко узнают. Расскажут, кто я такой, покажут, где жил, научат тому, что я делал. А может там, дома, я и сам все вспомню.

– А ежели ты все ж не морозовец? – прищурился хозяин. – Я ить не Дед Мороз, чтобы все угадывать.

– Что?... – встрепенулся Глеб. – Дед Мороз может все угадывать? И про человека тоже?

...

– Дык кто ж знает, – пошел на попятную Макусин. – Сказывают про его много, так кто ж теперя в сказки-то верит?

– Не, Макусин, – замотал головой один из мужиков, – про Деда Мороза не сказки. Он все про всех знает. В глаза зыркнет – и мигом все высмотрит. Что было, что есть, что будет... Страшно тока.

– Что страшно? – спросил Глеб.

– В глаза его ледяные смотреть. Можешь сам навек ледышкой сделаться.

– Ты смотрел, што ль? – сердито бросил Макусин.

– Я не смотрел, люди сказывают...

– Вот и не мели языком, помело! А ты, Глеб, его не слушай. Да если ты не морозовец, то в Устюг тебя никто и не пустит. У тебя ведь документа нету?...

– Какого документа?... – растерялся Глеб.

– Что ты морозовец?

– Нету.

– Ну тогда и не суйся в Устюг. Забудь. Здесь твое место.

– Но... мне теперь точно туда надо! Вдруг мне и впрямь Дед Мороз поможет все вспомнить?

– Он тебя, скорее, повесит. А еще быстрее, собакам скормит.

– Но почему?! – подскочил Глеб. – Морозовцы ведь тоже мутанты! Даже если я не один из них, зачем же они такого же, как они сами, убивать станут?

– Не такой ты, Глебушка, – вздохнул Макусин, – ох, не такой... – А потом сказал для всех, коротко и категорично: – На посошок – и ша! Спать пора, робить завтра.

Глава 4

Принятие решения

Пока сидели за столом, небо затянуло облаками, стало почти темно. Хлев у Макусина стоял в стороне, за домом. На фоне более светлого, чем земля, небосвода был виден только его силуэт. Когда хозяин подвел к нему гостей, Глеб услышал, что внутри кто-то есть: его чуткие уши уловили звуки дыхания и слабый перестук, словно некто, обутый в сапоги с твердой подошвой, переминался с ноги на ногу. Однако мутант быстро вспомнил, что хлев предназначен для скота, а у скотины, как правило, имеются копыта, так что природа звуков для него стала понятной.

– Корова? – спросил он.

– Не, – отмахнулся Макусин. – На корову шибко много сена запастись надо. Их тут мало кто держит. Это давеча держали, чтоб молочко было для деток. А теперя, когда деток нельзя... – Хозяин раздраженно сплюнул. – Так что поросят я держу да козу. Манька моя тож молочко-то любит... А на козу-то уж я сена накошу как-нить.

– Представляю, как выглядят та коза с ропсыятами, – тихонечко пробубнил Пистолетец. Хозяин услышал.

– Посмотреть хошь?... А уснешь опосля?

– Мы чулше того... завтра посмотрим... – испуганно замямлил лузянин.

– Ну-ну, – хмыкнул Макусин, потом нагнулся, зашарил в темноте возле хлева, что-то с натугой поднял и грохнул о стену, беззлобно ругнувшись под нос. Из-за стены раздалось тревожное блеяние, пару раз хрюкнул поросенок.

– Полезайте, – сказал хозяин.

– Куда? – не понял Глеб.

– На повесть, куда ишшо-то? Для чего я и лестницу-то поставил?

Только теперь стало ясно, чем громыхнул о стену Макусин. Глеб перевел туда глаза и невольно пригляделся... Нет, он и не рассчитывал что-либо увидеть, глаза после света костров еще не привыкли к плотному сумраку, но неожиданно, словно в голове у него щелкнул выключатель и во лбу зажегся фонарик, мутант без труда сумел разглядеть и Пистолетца с Макусином, и бревенчатую стену хлева, и прислоненные к ней две толстые жердины со ступеньками-перекладинами между ними. Правда, видел он все это лишь в двух цветах – черном и белом, причем, очень контрастно, почти без полутонов, но это все равно было стократ лучше, чем вообще ничего.

– Полезайте, – повторил Макусин. – Там сено свежее. Тока шибко не мните, с краю лягте.

Глеб машинально кивнул, не подумав, что хозяин не может разглядеть этот кивок, осторожно ступил на перекладину, проверяя, выдержит ли та его вес, затем быстро вскарабкался по лестнице к квадратному лазу под крышей. Отодвинул дощатую заслонку и забрался внутрь. На поветях вкусно пахло сеном. Глебу подумалось, что спать здесь, наверное, будет невероятно сладко. Он подошел к «лежанке», повалился на нее спиной и его в самом деле сразу же потянуло в сон. Но тут из отверстия лаза послышалось громкое сопение, а потом бледным привидением – как предъявило его «ночное зрение» мутанта, – показался и сам Пистолетец.

– Эй, ты где? Глеб, отвозись!.. Ты вниз не славился, к монстрам этим?

– К каким еще монстрам? – недовольно откликнулся Глеб.

– Ну, к козе-тумантке... и этим... как их... хрю-хрю которые.

– К какой-какой козе?...

– Так это... как его... которое уродство от диарации...

– Тьфу на тебя, косноязыкий! С тобой мозги свихнешь. Мутантке!

- Во-во, мутантке. Не свалился?
- Конечно, свалился. Тут же пола нет. Макусин нас специально заманил в ловушку, чтобы своих домашних мутантов нами покормить. Не слышишь, что ли, как они меня пережевывают?
- Ты тушишь!.. – неуверенно хихикнул Пистолетец.
- Какие уж тут тушки... тьфу!.. шутки. Вторую ногу доедают.
- Глеб, не надо так... Я ментоты боюсь. А тут еще эти внизу...
- Ну ты и чудила, – вздохнул Глеб. – Иди давай на мой голос, ментота.
- Пистолетец вытянул руки и осторожно, маленькими шажками, двинулся в его сторону. Но вдруг неожиданно взвизгнул, дернулся вбок и присел.
- Эй, ты чего? – удивился мутант.
- Там... – дрожащей рукой ткнул в его направлении лузянин. – Там кто-то... Ой!.. Глаза синие... Светятся... Это коза! Это коза сюда барзалась!.. Регебись, Глебушка, она где-то рядом с тобой!
- Что за ерунду ты несешь? Нет тут никакой козы! Как бы она сюда забралась, сам-то посуди?
- А глаза?... – не сдавался Пистолетец.
- Да мерещится тебе просто, вот и все.
- Ага, как же... Я слова с буквами путаю, но вижу-то хорошо, без тупаницы... Вон, вон, моргнули!.. Еще раз!.. Ой-ой!
- Лузянин, как стоял на карачках, так и пополз задом к лазу.
- А ну, стой! – начал догадываться, в чем дело, Глеб. – Это, кажется, я.
- Что «ты»? – остановился Пистолетец.
- Моргаю я. Похоже, это мои глаза. Ну-ка, скажи, сколько раз они сейчас моргнули?
- Три...
- А сейчас?
- Тяп... Пять, то есть. Так это и правда твои глаза?! А почему они такие?...
- А почему я сам такой? – задал ответный вопрос мутант.
- Ну... да-а... – протянул, поднимаясь на ноги, лузянин. – Эх, если бы ты еще и видел в ментоте!..
- Насчет ментоты не знаю, – фыркнул Глеб, – а вот в темноте, оказывается, и в самом деле вижу.
- Ух ты! Здорово-то как! Так ты и меня дивишь?
- А то! Вон, ты руками вокруг водишь. А теперь машешь правой. Хватит меня проверять, иди давай на мои глаза, коль они такие приметные. Иди-иди, не съем я тебя. Тут мягко, сено.
- Сено – это шорохо-о-ооо! – добравшись до «постели» и вытянувшись рядом с мутантом, пропел Пистолетец.
- Вот только шорохов как раз не надо! – обрубил Глеб. – Будешь шебуршиться – выгоню спать во двор.
- Не-не, – испугался лузянин, – я не буду!.. Я только спрошу тебя кое о чем и затухну...
- А может, сразу затухнешь, без вопросов? – с затаенной надеждой поинтересовался мутант.
- Я так не усну... – жалобно пролепетал Пистолетец. – Ворочаться стану, тебя дубить...
- Я вот тебе подублю!.. Ладно, задавай свой вопрос, только быстро.
- Глеб... – начал и тут же замялся лузянин. – Вот ты скажи, как тебе капозалось: Макусин – умный велочек?
- Умный. Спокойной ночи.
- Допожди! Я еще не все!..
- Ты же сказал, что спросишь – и затухнешь. Спросил? Спросил. Я ответил? Ответил. Теперь спим.

– Так я еще не спросил влажного! – завопил Пистолетец.

Снизу послышалось испуганное хрюканье и сонное бляение.

– Ты что, ошалел? – рассердился Глеб. – Сейчас точно тебя к «монстрам» спущу – с ними спать будешь, в обнимку!

На удивление, лузянин не стал верещать и возмущаться. Лишь недолго посопев, сказал тихо, но очень серьезно:

– Глеб, я правда важное хочу спросить.

Тон его голоса и то, что Пистолетец не исковеркал ни одного слова, настолько поразили мутанта, что он сдался.

– Ладно, спрашивай. Только не ори больше.

– Вот он, Макусин, тебя приговаривал... заговаривал... нет, уговаривал здесь остаться. Навсегда. Жить спокойно и медленно. То есть, тихо. Тихо-мирно, как роговится. И вот мой гладкий вопрос: ты согласен?

Пистолетец притих. Настолько, что Глеб не смог уловить даже его дыхания. По всему выходило, что лузянина и впрямь волновал это «гладкий» вопрос. Вот только «гладкого» ответа на него у мутанта не имелось. А тот единственный, который был, даже ему самому казался весьма шероховатым и занозистым. Но врать своему товарищу Глеб не хотел, да и смысла не было – все равно ведь не сейчас, так утром придется рассказывать о своем решении.

И все же он не ответил сразу, а тоже спросил:

– А ты бы хотел остаться?

– Да! Очень! – зашуршал сеном Пистолетец. – Здесь так скопкойно! И люди бодрые.

– Ты считаешь бодрость главным человеческим качеством? – удивился мутант. Разумеется, притворно удивился, просто невольно тянул с тем самым ответом, на который все не мог решиться.

– Почему?... – Глеб увидел, как хлопают ресницы лузянина, и ему даже почудилось, что он слышит звук этого хлопанья. – Зачем бодрость?... А-а! Наверное, я опять репутал! Хотел сказать, что люди бо... до... не злые, в общем.

– Ладно, прости, – выдохнул Глеб. – Понял я все. И слушай, что тебе скажу. Да, здесь, наверное, хорошо. И люди в Ильинском живут, ты прав, вроде как тоже неплохие. А коли тебе так сильно тут понравилось, то и оставайся. Я только рад за тебя буду. Правда.

– Как оставайся?! – вскочил на ноги Пистолетец. – А ты?...

– А я уже говорил: в Устюг мне надо, к Деду Морозу.

– Но ведь Макусин...

– А что Макусин? Ты вот оговорился было, что он меня приговаривал, а ведь только это и на самом деле так. Мне остаться здесь – это как приговор: всю жизнь прожить беспамятным, не знать ни кто я такой, ни откуда... А я так не хочу. И «медленно» жить, как я успел понять, тоже не по мне.

– Я ороговился! – вскрикнул, но, опомнившись, тут же перешел на шепот Пистолетец: – Тихо-мирно!..

– Без разницы. Что тихо, что медленно – смысл один: сиднем сидеть да старости со смертью дожидаться.

– Но так тебе ее и ждать не придется! Ты погибнешь еще по родоге в Устюг! Тебя монстры соржут, барзойники убьют, в лесу базлудишься!..

– А кто тебе сказал, что я по лесу пойду? – усмехнулся Глеб. – Я по реке поплыву.

– Это же ледако! Ты утонешь! Или рыбы-туманты тебе ноги пооткусывают... или еще чего... И помечу ты умерен, что тут река есть?

– Река тут есть помоту... тьфу, заразил, косяязыкий!.. потому, что у меня уши имеются. Макусин ведь рассказывал, что «инспекторы» храмовников здесь редко бывают, поскольку

река мелкая. А мне глубокой и не надо. Плот – не «галера», и по мелководью пройдет. А и сядет на мель – вытяну.

– Плот? – присел рядом с Глебом Пистолетец. – Откуда у тебя плот?

– Пока ниоткуда. Но леса кругом хватает, сделаю. Мужики помогут.

– Рохошо, плот сделаешь, – не сдавался лузянин. – Пусть и доплывешь до Устюга, а там тебя без кодументов схватят и убьют. Или просто так убьют. Храмовники, помоту что мутант, морозовцы, потому что искупаются.

– Очень бы хотелось уточнить, в чем именно они искупаются – в слезах или... Ну да ладно. Тут на самом деле шутить не особо хочется, потому что ты прав.

– Я прав?! – возликовал Пистолетец, но после того, как мутант шикнул на него, голос понизил: – Так значит, ты остаешься?

– Да, ты прав. Моя затея очень опасна, и шансов, что она мне удастся, пожалуй, и впрямь не очень много. Но я все же отправлюсь в Устюг. А здесь остаешься ты.

– Нет!..

– Да.

– Но я уже призывался к тебе!..

– А я уже иззевался, – и в самом деле зевнул Глеб. – Я спать хочу, понятно тебе? И я на твой главный вопрос давно ответил, а ты мне еще кучу подвалил!

– Но...

– Тпру!.. Приехали. Завтра поговорим. И если сейчас хоть раз еще пикнешь – в лоб дам. Честно.

В ответ на это Пистолетец лишь обиженно засопел. Однако «пикать» поостерегся.

Хотя спать легли поздно, проснулся Глеб, что называется, с первыми петухами. Впрочем, встал он все-таки позже. Петухи в селе действительно имелись, и разбудить они мутанта разбудили, но, увидев в отверстии лаза кусок еще весьма тусклого неба, он решил поспать еще. Ну а проснулся Глеб окончательно, когда хозяйка пришла в хлев кормить скотину и доить козу. Когда под тобой мекают, хрюкают и топчутся, особо не поспишь.

Пистолетец тоже поднялся вместе с Глебом. Вопросительно глянул на него – дескать, не передумал? – получил в ответ косую ухмылку – и не жди, мол, – и первым полез по лестнице во двор. Когда следом спустился Глеб, из дома как раз вышел Макусин. Пожелали друг другу доброго утра, умылись по очереди из жестяного рукомойника, висящего на столбике подле крыльца, затем хозяин зачерпнул из стоявшей рядом кадки плавающим в ней деревянным ковшиком воды, осушил его в несколько мощных глотков – сказывались, видимо, все же последствия вчерашней браги – и протянул ковш Глебу. Тот помотал головой, побрезговал пить невесть какую воду – дождевая, поди, застоялая, да и кто знает, кто и чем в эту бочку лазил... Макусин положил ковшик в кадку и позвал гостей к столу:

– Сейчас Маня со скотиной управится, чаю принесет да молочка козьего. С чаем-то скуу-уусно!..

Глеб, невольно вспомнив вкус молока, но не сумев извлечь из памяти моменты, когда и где он его пробовал, подумал, что оно вкусно и само по себе, безо всякого чая. Но коза – не корова, если поить гостей «чистым» молоком, то хозяевам самим не достанется. А в чай добавить, побелить его, как тут говорят, – это что, это можно.

А пока, чтобы не сидеть остолопами, Макусин завел разговор. Причем, невольно продолжил тему, начатую Пистолетцем и Глебом вечером на сеновале.

– Ну так что скажете-то: остаетесь? – посмотрел он на мутанта.

– Он остается, – кивнул на лузянина Глеб, – я нет.

– Я тоже нет тогда! – вскинулся Пистолетец. – А лучше ты – да. И я догта да.

– Пошто нет-то? – не отводя взгляда от Глеба, прищурился Макусин. Мутантова напарника он будто не замечал и не слышал.

– Ты знаешь, почему. Я уже говорил, мне к Деду Морозу надо. И я все знаю: и про опасности, и про малую вероятность удачи... Но мне надо. И я пойду. Вернее, поплыву.

И Глеб рассказал Макусину свой план насчет сплава до Устья по рекам на плоту. Попросил он у хозяина и помощи в его постройке.

Макусин, закатив к небу глаза, задумчиво поскреб бороду. Почмокал губами, похмыкал, потом выдал:

– Ну, коли решил, отговаривать боле не буду. И мысля у тебя дельная про плот-то... Пропадешь все одно, конечно, но попробовать можно.

– Так вы поможете его построить? Вряд ли я один справлюсь. Мне и надо-то в помощь одного-двух мужиков.

– Так ведь мужики-то избу ставят, сам видел.

– А остальные? Неужели в селе больше нет мужиков?

– Есть, как не быть. И поболее их, чем те, кого ты видел. Тока кто слаб, кто однорук али безрукий вовсе, кто умом не шибко ладен...

– И что мне делать? Ждать, пока построят? – приуныл мутант.

– Можешь ждать, а лучше помоги. Так и дом построим скорей, и сам ты топором робить научишься – плот-то, гли, и делать проще станет.

Разумеется, Глеб согласился. Подал голос и Пистолетец:

– Я тоже помогу. И дом, и плот. И в Устюг с тобой поплыву, раз уж ты... того... никак иначе...

– Не поплывешь, – нахмурился Глеб. – Здесь останешься. Слыхал, мужиков справных мало? У тебя хоть одна рука и не особо цепкая, да и сам ты не богатырь, но все ж лучше, чем вовсе без рук.

Макусин одобряюще кивнул: дескать, пусть остается, лишним не будет, но Пистолетец заупрямился:

– А ты мной не командуй! Я сам себе мокандир. Сказал – поплыву с тобой, значит поплыву. Мне, может, тоже к Деду Ромозу надо.

– Тебе-то зачем?

– А думаешь, мне нравится говорить так, слова да буквы путая? – запыхтел, насупившись, Пистолетец. Пожалуй, таким сердитым его Глеб еще и не видел. – Думаешь, нравится, когда люди смеются и не все у меня поминают?

– И что, ты думаешь, Дед Мороз тебе в этом поможет?

– А ты думаешь, он мопожет тебе о себе вспомнить? – с вызовом глянул на мутанта лузянин.

– Во всяком случае, надеюсь, – опустив в стол глаза, ответил Глеб.

– Вот и я тоже надеюсь. Этого никто никому затрепить не может.

Мутант молча махнул рукой. Тем более жена Макусина как раз принесла кружки с горячим, вкусно пахнущим травяным чаем. Затем вынесла и молоко – аж полную кринку.

Глава 5

Побег

Глеб думал, что на постройку дома уйдет много времени. Однако поставили сруб на удивление быстро, буквально за пару дней. Столько же ушло на крышу, еще день на внутреннюю отделку – полы, окна, двери и прочую мелочовку.

Работали вместе с мужиками и Глеб с Пистолетцем. Сперва от них толку было немного, но Глеб быстро приноворился, перенял основные навыки, и справлялся с делом ничуть не хуже остальных. А уж там, где требовалась физическая сила, его помощь и вовсе оказалась незаменимой – бревна средней длины он вообще мог поднимать в одиночку. Хуже получалось у Пистолетца. Помимо того, что он сам по себе не отличался силой и статью, так сказывалось еще и отсутствие пальцев на правой руке, несмотря на то что лузянин был левшой. Для поднимания и перетаскивания бревен Пистолетец явно не годился – даже если бы и поднял, поднатужившись, оставался большой риск, что бревно в его руках не удержится и, сорвавшись, отдавит ноги или ему самому, или работающим поблизости. Поэтому ему доверили ошкурку бревен – топор он худо-бедно держать наловчился. Ну а после того, как сруб был поставлен, лузянин проделал большую часть работы по законопачиванию щелей мхом.

В последний день строительства Пистолетец завел было даже старую песню:

– Вот видишь, как у нас рохошо получается! Давай останемся. Мы здесь ой как гриподимся!

– Еще одно слово, – рыкнул Глеб, – и ты здесь точно останешься, грипождало болтливое!

Лузянин заткнулся и больше этой темы не поднимал. Остаться у новых друзей одному ему определенно не хотелось.

* * *

Пусть отсрочка оказалась не столь значительной, как ожидал поначалу Глеб, она его все-таки раздражала; очень уж не терпелось поскорее отправиться в Устюг, невыносимо хотелось понять: кто же он в конце концов такой и зачем... И пусть шансы на это оставались призрачными, а вероятность погибнуть огромной – ему было все равно. Бездействие и вечное неведение казались для него куда страшнее смерти. Но единственный разумный путь в заветный город был только один, по реке. А для этого требовался плот. Поэтому приходилось ждать и терпеть.

Правда, вынужденная отсрочка в виде строительства дома не вышла совсем уж бесполезной. Кроме того, что Глеб научился – или восстановил навыки? – работать топором, он узнал много нового для себя и наверняка полезного для достижения своей цели. Сам во время работы он в основном молчал (да и что он мог рассказать?), зато мужики чесали языками не менее ретиво, чем топорами, и мутанту лишь оставалось короткими вопросами и репликами изредка направлять разговор в нужное русло, а потом, как говорится, держать уши открытыми и мотать полученную информацию на ус. Возможно, не вся она была полностью достоверной, но даже в преувеличенных, обросших догадками и фантазиями рассказах в любом случае оставалось зерно истины, а Глеб неплохо, как ему казалось, умел «отделять зерна от плевел», пусть и не помнил пока источников своего умения.

Из всего услышанного и прошедшего в его голове «очистку от шелухи», мутант уяснил следующее.

Во-первых, как он откуда-то помнил и сам, радиоактивное заражение Великоустюгского района до сих пор оставалось довольно высоким. Обычные люди без средств противорадиаци-

онной защиты долго на поверхности находиться не могли. Но радиацию без вреда переносили мутанты – остатки выживших и адаптировавшихся к радиации людей, а также их потомки. Такие, как они с Пистолетцем и все жители Ильинского. На удивление, выживших оказалось довольно много. Причины назывались разные: от полезных свойств местной воды до защиты древнего «святого» города и его окрестностей высшими небесными силами.

Во-вторых, и это для него было особенно интересным и важным, Глеб узнал предысторию нынешних отношений храмовников с морозовцами. Как он уже знал из застольной беседы, в подземельях под разрушенными храмами и в подземных ходах Великого Устюга жили не подвергшиеся мутациям храмовники под предводительством некой Святой, а на поверхности в пределах города – возглавляемые Дедом Морозом мутанты-морозовцы. Теперь же выяснилось, что сразу после катастрофы оставшиеся на поверхности устюжане также хотели попасть в подземные убежища, но места и ресурсов там для всех не хватало, поэтому укрывшиеся их не пустили. Люди с поверхности, имея доступ к оружию, разрушили практически все храмы, пострадал и сам город. Еще немного, и они бы добились своего, «выкурили» из подземелий укрывшихся. Но произошло неожиданное событие – ядерный взрыв в соседнем городе Красавино. Храмовники взяли ответственность за это событие на себя, сказав, что взрыв был произведен для устрашения и что подобные заряды имеются и в Великом Устюге, так что если штурм подземелий не прекратится, город будет стерт с лица земли. Поскольку у морозовцев отсутствовала уверенность, что храмовники блефуют, было решено заключить соглашение: храмовники и морозовцы больше друг друга не трогают, храмовники не взрывают ядерные заряды, но морозовцы должны сдать все свои «арсеналы», кроме средств для охоты, а также обязаны снабжать храмовников пищей. Причем все лояльные морозовцы должны быть зарегистрированы. На бывшем судоремонтном заводе наладили обеззараживание воды и продуктов для храмовников, а также восстановление противогазов, пошив защитной одежды, пропитку ее специальными составами и последующую дезактивационную обработку. Там стали трудиться морозовцы под контролем храмовников.

И, наконец, Глебу удалось также узнать явно не предназначенную для посторонних ушей информацию – кто-то из мужиков, не подумав, брякнул, а Макусин не успел остановить болтуна вовремя... Хотя кто его знает, возможно, «слив информации» был произведен сознательно, по непонятным пока для Глеба соображениям. Как бы то ни было, до его сведения довели, что «дикие» мутанты пытаются объединиться, по мере возможности борются с «карателями» и стремятся наладить контакт с морозовцами. Правда, пока не все – в основном, живущие в окрестных с Устюгом деревнях и селах. Но солидарны с ними, конечно же, все «дикие», ведь программой-максимумом мятежников было найти и обезвредить ядерные заряды (или стопроцентно убедиться, что их не существует), а после этого уничтожить храмовников и жить без «белого ига» – независимо и вольно.

* * *

На следующий день Макусин сдержал слово: дал в помощь Глебу двух мужиков – того, что с култышкой на груди, Степана, и Мартына, с шишкой вместо правого глаза.

Плот вязали на опущенных в реку слегах⁶. Очень большой решили не делать, на двоих путешественников без поклажи и для не особо продолжительного сплава хватило бы и шестивосьми бревен. Но связали – плетеной из ивовой коры веревкой с бревенчатыми же поперечинами – даже десять, что называется, про запас. На корме укрепили гребь – длинное и толстое весло, чтобы плотом можно было худо-бедно управлять, в центре, чуть ближе к корме, поставили небольшой шалаш из еловых ветвей, где путники могли бы, пристав к берегу, укрыться

⁶ Слега – длинная жердь. (Прим. ред.)

от непогоды, да и вообще – чтобы спать не под открытым небом. Вытесали и два шеста. Короче говоря, построили вполне добротное, готовое к плаванию судно длиной примерно в пять и шириной в два с половиной метра. Причем, построили всего за день, благо сухие сосновые бревна у мужиков уже имелись, оставалось их только ошкурить да сделать нужные зарубки.

Во время работы мужики опять то и дело чесали языками. Правда, ни о храмовниках, ни о морозовцах, да, собственно, и о самих «диких» Глеб ничего нового не узнал. Вспомнили вдруг прошлое. В одну из минут отдыха Степан, глядя на противоположный берег реки, вздохнул:

– Эх, батя сказывал, скоко раньше тутока народу жило! Так ить ишшо до того, как беда сотворилась, деревни одна за другой помирать стали. Тутока ить, супротив нас аккурат, Анциферово стояло. Подале туды – Малыгино, Слободная, Чум... Ишшо дале – Фроловка. А от нее, по правую руку, Беляшкино, Копылово, Харазмино, Мителево, Исток... А уж и не осталось там никого, к тому времени, как беда пришла. Старики поумирали, молодые кто в город, кто в Ильинское, кто в Первомайское перебрались.

– Так ить и мой-то батя с Копылова был родом, – подхватился Мартын. – Помню, сказывал, как сюды, в Ильинское, в клуб на танцы бегал. А ишшо на Беляшкине клуб робил – ну, тогда батя совсем ишшо маляленком был, за брательником старшим, дядькой моим, увязывался. Куды тот – туды и он. На Фроловку тож бегали – там и тогда уж, он сказывал, чотыре избы оставалось: аккурат чотыре бабы, да один мужик. Но как-то и молодые тамока ишшо жили: Юрка да Колька с Катькой – брат да сестра. Вот к им батька да дядька мой и бегали... Вот ить, когда он и сказывал-то мне-ка, сам уже и помер давно, а я запомнил вот...

– К чему вы это вспомнили-то? – спросил Глеб, которому стало даже немного завидно: мужики помнили не только свое прошлое, но даже прошлое своих отцов, а он... – Столько времени прошло.

– А к тому, – снова заговорил Степан, – што кабы не бег тады народ из деревень, то нас бы теперя о-го-го скоко было-то! Кто бы и сунулся, какие каратели!.. А и сунулися бы, так и мы бы им сунули.

– И вот, ишь, – добавил Мартын, – тады и ни беды какой, ни котострофы, а все одно деревни рушились. Чо-то не так уж и раньше пошло... Котострофы-то – оне не разом случаются, не так просто. Они сперва-то помаленьку, полегоньку, не враз и углядишь. А потом все шибче да шибче катятся... Ну а как углядишь, как петух жареный клонет в заднее место – так все уж, позно. Раньше надо было репу-то чесать.

– Эх, да чо теперя, – махнул рукой Степан. – Доживем свое – и все, ничо тутока боле не будет.

Мутанту эти разговоры были вроде как и понятны, но все-таки не близки. Заглядывать далеко вперед он еще не привык, а вспоминать прошлое попросту не мог. Оставалось жить сегодняшним днем. Ну, завтрашним максимум.

Глеб был готов отправиться в путь сразу, не возвращаясь в село. Но дело шло к вечеру, да и рюкзак мутанта остался у Макусина. Опять же, уплыть, не поблагодарив хозяина и не попрощавшись с ним, показалось Глебу неудобным. В общем, решили вернуться, переночевать, а по утренней зорьке и двинуть, куда река понесет.

Пужинали. Почти не разговаривали – Макусину с Глебом говорить было больше не о чем, а Пистолетец и вовсе лишний раз боялся рот открыть: а ну как и впрямь суровый напарник его брать с собой передумает? После ужина хозяин велел жене собрать путникам в дорогу каких-никаких харчей. Та вынесла пару пучков моркови, несколько вареных картофелин и печеную рыбину. Завернула все это в листья лопуха и протянула мутанту.

Глеб начал отнекиваться, но Макусин шикнул, ударил кулаком по столу и проворчал, кивнув на Пистолетца:

– Командовать им, вон, на реке станешь. А тутока я хозяин.

Глеб, пряча угощение в рюкзак, вспомнил:

– Кстати, о реке и о рыбе... Мы ведь ее ловить бы могли, если бы было чем. Вы вот чем ловите?

– А кто чем. Кто сетями, кто удочками, кто острогой бьет. Но сеть я тебе не дам, не обессудь. Нитей хороших нет, сами едва перебиваемся, сети-то рвутся... Острогой тебе не совладать с непривыку... А для удочки крючьев у меня тож не амбар, из гвоздьеv их делаем, а где гвоздь-то?... Лесу из конского волоса вяжем, так лошадей в Ильинском всего две, и так хвосты у их повывдерганные.

– И что нам тогда делать?

– Ну... дам тебе гвоздь. Ладно, два. А вместо лесы нитку дам. Не шибко она крепкая, но уж... – развел руками Макусин. – Мелкую да среднюю рыбешку выдержит, а коли крупная клюнет – знать, не свезло вам.

– С нитками тоже дефицит? – на всякий случай поинтересовался Глеб.

– Фицит, фицит, – нахмурившись, закивал хозяин. – У нас тутока со всем фицит, окромя леса да неба. Ну, вот Луза ишшо выручает.

– Луза?... – вскинулся Пистолетец.

– Река, – пояснил Макусин. – Она ить тоже Лузой зовется.

Спать легли рано, хозяин пообещал разбудить гостей перед восходом солнца. Но лечь-то легли, а вот заснуть Глебу никак не удавалось. В голове, не останавливаясь ни на мгновение, водили хоровод мысли. Большею частью невеселые, а то и вовсе поганные. Ведь как ни хорохорился он перед ильинскими мужиками да Пистолетцем, он вовсе не был уверен, что поступает правильно, решившись на это безумное путешествие в Великий Устюг. Вероятность его успешного завершения и впрямь была очень низкой. А уж то, что ему удастся встретиться с Дедом Морозом и тот ему поможет, и самому-то ему казалось теперь глупой сказкой. И уж ладно, черт с ним самим, в конце концов, жить беспамятным он все равно не хочет, но зачем он поддался на уговоры лузянина и тащит его за собой на верную гибель?... Пожалуй, лучше всего будет, не дожидаясь утра, потихонечку выбраться с сеновала, пойти к реке и уплыть одному. Ну да, это единственное верное решение! Так по крайней мере хоть на душе будет спокойнее. Да и отвечать за себя одного куда проще.

Глеб осторожно приподнялся на локте и посмотрел на Пистолетца. Тот лежал с закрытыми глазами и мерно посапывал. Мутант, стараясь не шуршать сеном, начал вставать. Глаза лузянина, словно тот и не засыпал вовсе, тут же распахнулись.

– Даже не думай, – сказал Пистолетец.

– Чего не думать? – бросил раздосадованный Глеб. – Я отлить хочу!

– Я с тобой, – стал подниматься напарник.

– Куда со мной? Не слышал, что я сказал?

– Шлысал. Я тоже хочу. Я в темноте не вижу, ты меня продовишь.

Глеб вновь опустилсв на сено и сердито засопел.

– Ты чего? – удивился Пистолетец. – Пошли!

– Не хочу, – буркнул мутант. – Рассосалось.

– А у меня нет.

– А ты иди, вон, в лаз струячь.

– В лаз с краю же надо, а вдруг упаду?

– Одной проблемой меньше станет, – отвернувшись, лег на бок Глеб.

– Зачем ты так? – обиженно засопел Пистолетец. – Мы ведь оброговили все... Я ведь знаю, ты без меня тохел уплыть, да?

– Слушай! – подскочил мутант. – Ты меня так достал, так!.. Зачем я, дурак, тебя спас? Лишил зверье шашлыка на свою голову...

Глеб крепко зажмурился, и перед его внутренним взором вновь предстала картина: пылающая спичкой сосна, вопящий на ее вершине Пистолетец...

А затем Пистолетец завопил уже наяву. И запахло жареным... То есть, нет, еще не жареным, а просто дымом, но, открыв глаза и увидев, как пламя стремительно пожирает сено, облизывая уже стены и стропила крыши, Глеб осознал, что если они с Пистолетцем немедленно отсюда не уберутся, то жареным обязательно запахнет. От них.

– К лазу! – крикнул мутант, и сам было рванулся туда, но увидев, как закрутился на месте, спасаясь от огня, лузянин, в два прыжка оказался возле него, сграбастал в охапку и подскочил к отверстию лаза.

Пистолетец скатился по лестнице, почти не касаясь ступенек. Глеб, едва не забыв про рюкзак и схватив его в последний момент, последовал за лузянином. Тоже быстро, но не столь поспешно – не хватало еще оступиться и что-нибудь сломать. Для пущего эффекта – шею. Все проблемы снимутся разом! А то вот, ко всем прочим, добавилась еще одна. Причем, очень и очень большая. Пожар и сам-то по себе явление препротивное, так ведь теперь Глебу стало понятно и кто в нем виноват... Сомнения, конечно, оставались, но мизерные. А в совпадения он не верил. Так ему, во всяком случае, казалось. Да и то, если вспомнить, как вспыхнула та злополучная сосна. Его ведь тогда такая злоба охватила – на волков, на сосну эту... И отчаяние оттого, что ничего он сделать не в силах. Даже, помнится, в глазах потемнело. А сосна возьми да вспыхни!.. Совершенно беспричинно. И никто ее поджечь не мог. Как и сено сейчас. Правда, на сей раз он не особо и злился. На Пистолетца, конечно, был рассержен, но по сравнению с прошлым разом это и злостью-то назвать нельзя. Зато как раз про ту сосну горящую вспомнил... Да нет же, не бывает таких совпадений! Оба раза огонь возник словно ниоткуда. Никаких его материальных источников не было. Ну, а ментальных?... Или как еще это можно назвать? Глебу вспомнилось прочитанное или услышанное когда-то слово – пирокинез, то есть способность вызывать огонь силой мысли. Казалось бы, чушь полнейшая, и он бы в том ни на миг не сомневался, если бы... Да уж, похоже, что сам он как раз и стал самым настоящим пирокинетиком!

Все эти мысли пронеслись в голове Глеба стремительно, да и некогда было заниматься раздумьями – следовало срочно будить хозяев и тушить хлеб, чтобы огонь не перекинулся на дом.

Но будить никого не пришлось – Макусин в одних подштанниках уже выбегал на крыльцо.

– Костер! – закричал ему, размахивая руками, Пистолетец. – Нет, не костер, пожар!

Глеб невольно поморщился: это каким же надо быть бестолковым, чтобы сообщать столь очевидные вещи. А то вдруг Макусин подумает, что их бессонница замучила, и это они лучину жгут – книжки читать собрались!

Хозяин, конечно же, так не подумал. Зато вдруг выкрикнул такое, чего Глеб от него совсем не ожидал.

– Сволочи! Гады! За что?! Ведь думал же, что вы прихвостни храмовнические, а вот пове-рил вам, дурень!.. – Макусин по-звериному завыл, сжал кулаки и бросился к оторопевшим Глебу и Пистолетцу.

Опомнившись, Глеб хотел крикнуть, что они тут ни при чем, но вспомнил, что он-то как раз при чем... Однако говорить, объяснять хозяину, что он пирокинетик и все получилось случайно, тоже было бессмысленно – ведь он и сам-то еще пять минут назад не поверил бы в подобные сказки. А Макусин и слов-то таких не слышал даже.

Глеб, приготовившись защищаться, выставил согнутые в локтях руки. Но тут завопила, причитая, выскочившая из дома супруга хозяина:

– Ой, Макся, Макся! Сгорим ить!.. Ой, тушить надо, мужиков да баб гаркать!.. – Она метнулась было в сторону сельской улицы, но всплеснула вдруг руками и круто повернула к горящему хлеву: – Ой, поросят ить с козой выпустить надо! Сгорит скотинка-то!..

Макусин, которому оставалось до Глеба каких-то пара-тройка шагов, начавший уже заматываться, дернулся, развернулся и побежал наперерез жене:

– Стой, дура! Сама ить сгоришь! Беги, народ гаркай, я животину выпущу... – сказал и кинулся к двери в хлев, из щелей которой уже всюду валил дым.

Глеб тоже машинально сделал шаг к хлеву, но почувствовал вдруг сильный тычок в бок локтем. И тут же Пистолетец, громко шипя, потянул его за рукав:

– Ты куда?! Ошалел?... Бежим! Быстро!

– Куда?...

– На реку, куда еще-то? На плот – и улепетывать, пока нас не прибили тут.

На удивление, Пистолетец не переврал ни единого слова, но Глебу сейчас было не до лексических успехов напарника. Тем более что он понял: Пистолетец прав! Никто не будет разбираться, виноваты они или нет. Они – чужаки, они находились на сеновале, когда там начался пожар. Какие еще нужны разбирательства? Конечно же, разгневанные сельчане устроят над ними расправу.

И Глеб побежал. Впереди, в призрачном свете летней северной ночи, маячила спина Пистолетца. Да уж, что-то, а бегать лузянин оказался горазд. Точнее, драпать. Улепетывать. Впрочем, и сам мутант оказался ничуть не лучше напарника. Его заполнял жгучий стыд (вероятно, спастись бегством от кого бы то ни было он не привык, хоть и не помнил этого), очень хотелось повернуть назад, попытаться объяснить все Макусину, помочь в тушении пожара, но все-таки он продолжал бежать, здраво осознавая, что никто их слушать не станет. В лучшем случае быстро прикончат – и все. А в худшем... Об этом не хотелось даже и думать, тем более воображение у Глеба оказалось весьма богатым.

Хорошо хоть теперь удача наконец повернулась лицом к беглецам. Во-первых, за ними пока, похоже, никто не гнался. Впрочем, это как раз не вызывало удивления – первоочередной задачей для сельчан было потушить пожар, не дать огню распространиться на другие дома и постройки. Вторым везением стало то, что ночь выдалась ясной, а потому вполне светлой. Книгу почитать вряд ли кто смог бы, даже если б умел, но было хотя бы видно, куда бежать. Ну, а третье способствующее обстоятельство – то, что путь к реке шел под горку, знай переставляй ноги.

Однако добежав до реки, Глеб понял, что опасность пока отнюдь не миновала. Ведь плот по-прежнему находился на берегу, на опущенных в воду слегах, и нужно было как-то спихнуть его в реку. Возле плота лежали две толстые длинные жерди, а точнее, шесты; их приготовили для того, чтобы путешественники во время плавания могли при необходимости отталкиваться от берега или от дна. Теперь мутант решил использовать их в качестве рычагов. Он поднял шесты, дал один Пистолетцу, а более толстый конец своего засунул под край плота.

– Делай как я! – крикнул он лузянину.

Пистолетец, глядя на Глеба, тоже подпихнул шест под плот и так же, как и мутант, навалился грудью на второй его конец. Раздался громкий щелчок. Пистолетец, роняя шест, подпрыгнул.

– Стреляют! Беда! Не успели! – завопил он, намереваясь кинуться прочь.

– Да никто не стреляет, горлопан, – сердито сплюнул Глеб. – Это мой шест обломился.

– И как теперь? Второй тоже может мослаться...

– Как-как... А вот так!

Мутант отбросил в сторону обломки своего шеста, наклонился, подхватил ладонями край плота и, выпрямляясь, стал с усилием толкать плот вперед. Тот стронулся с места неохотно, но

потом соскользнул по следам и с плеском лег на воду. И как раз в этот миг беглецы услышали приближающийся со стороны Ильинского топот нескольких пар ног, а потом и крики:

– Вон они, вон! Сейчас уплывут! Наддадим-ко!..

– Живо на плот! – скомандовал Глеб.

Подобрал оставшийся шест, прыгнул вслед за лузянином на бревенчатое судно и оттолкнулся шестом от берега. Затем оттолкнулся от дна, потом еще и еще, пока плот не оказался на середине реки. Неспешное течение Лузы подхватило их и медленно понесло в ночь.

– Спаслись?... – тревожно вглядываясь в темный берег, спросил Пистолетец.

– А я почему знаю? – буркнул, откладывая шест и берясь за гребь Глеб. – У них ведь лодки есть. Но может, по темноте и не погонятся.

– Лично я думаю, – глубокомысленно изрек лузянин, – что за нами нет никакого смысла гнаться. Даже если бы мы были вивонаты, то все равно хлев назад не ревнем. А мы к тому же и ни при чем вовсе. Так ведь?

– Не так, – проворчал, снимая с плеч рюкзак, Глеб.

– А как?... – попятился и едва не свалился в воду Пистолетец. – Ведь это не ты его пождег?!

– Я.

– Но зачем?!..

Глава 6

Сашок

Ответить напарнику Глеб не успел. С той стороны удаляющегося берега, где их едва не настигли ильинские мужики, послышались сперва тревожные крики, а затем наполненные болью и ужасом вопли.

– Что там?... – настороженно стал вглядываться в сумрак Пистолетец.

– Почем я... – начал отвечать Глеб, не привыкший еще к тому, что может вполне хорошо видеть даже ночью, но как раз об этом вспомнил и воспользовался своей способностью.

– Что там? – переспросил лузянин, увидевший, как загорелись синим глаза мутанта.

– Не пойму что-то... Драка там, что ли, у них? Бегают, суетятся... Э, нет! Кто-то большой там на них прыгает... Очень большой.

– Волк?... – дрогнул голос Пистолетца.

– Да какой там волк! Корова целая, – пробормотал Глеб. – Только что-то прыгает больно резво.

Он присмотрелся внимательней. Среди разбегающихся, падающих мужчин и впрямь металось нечто очень большое. Причем, что поначалу весьма озадачило Глеба, странное существо становилось то совсем огромным, то словно сдувалось... все-таки «ночное зрение» мутанта не было столь идеальным, как обычное, и он бы, наверное, еще долго терялся в догадках, если бы неведомый зверь вдруг... не взлетел!.. Да-да, его размер казался непостоянным из-за того, что существо то расправляло, то прижимало к телу крылья. А вот теперь оно расправило их и взмыло над мужиками. Но пробыло в воздухе недолго – сделало полукруг и, словно коршун на ягненка, рухнуло на одного из убежавших ильинчан. Тот истошно взвизгнул, но тут же захлебнулся, захрипел и умолк.

– На них там какая-то гигантская птица нападает, – сказал Глеб.

– М-мутант?... – замычал Пистолетец.

– Да уж наверное не голубь разжиревший.

– Я боюсь, – пробормотал лузянин. – Сильно. Она сейчас их докушает и нас доногит...

– Ну, не думаю. Она ведь уже сытая будет. Да и мы на месте не стоим, все дальше и дальше уплываем. Сейчас вот изгиб реки пройдем, и нас оттуда видно не будет.

– Так ты ж горюешь, это птица!

– Да, птица. И что?

– Так, значит, она летать умеет. А ментота же не полная. Взлетит – и сразу нас удивит...

– Чем она нас удивит? – продолжать смотреть назад Глеб.

– Я про то, что мы ей станем видны. Увидит, во!.. Но и удивить тоже может. Тем, что летает быстро. Догонит в два счета и слепит нас.

– Слепит? – рассеянно отреагировал мутант, которого сейчас больше интересовало то, что происходит на покинутом берегу, чем несуразная болтовня напарника.

– Не... не слепит... Слопает. Мы ей и намопнить не успеем, что она и так уже сытая.

– Так... – напрягся Глеб. – Ну-ка, полезай в шалаш, ложись и прикинься ветошью.

– Как это?

– Замри и не шевелись.

– По-о-о-чему?... – по-местному окая, завибрировал Пистолетец.

– По-о-отому! – передразнил мутант. – Накаркал ты, «птичка» сюда летит.

Лузянин испуганно хрюкнул, вжал голову в плечи, но перед тем, как забраться в шалаш, не удержался, глянул назад и увидел на фоне тускло-серого летнего неба крылатый силуэт,

закрывший на пару мгновений бледный диск луны. Больше его уговаривать было не надо. Пистолетец юркнул в шалаш и проскулил:

– Ты тоже сюда полезай! Она увидит, что никого нет, и утелит.

– Тихо ты! – огрызнулся Глеб. – Сказал же, замри! Меня она и так уже увидела.

В самом деле, крылатая нечисть целенаправленно и очень быстро догоняла плот. Мутант присел, достал и сжал в левом кулаке нож, а правую ладонь положил на шест, приготовившись схватить его при первой необходимости.

«Птичка» не стала кружить возле плота – обрушилась на него сразу. Реакции Глеба едва хватило, чтобы сжать ладонь и резко поднять шест, уперев один его конец в бревно. Гигантская птица заметила опасность слишком поздно. Она шумно захлопала крыльями, пытаясь погасить инерцию падения, но шест возвышался достаточно высоко, и ей не хватило какой-то пары метров, чтобы избежать опасности. Не повезло твари и в том, что напоролась она на шест шеей, которая, как успел разглядеть Глеб, была у нее по-лебединому длинной. Заметил он и кое-что еще. Например, длинную, усеянную зубами, раскрытую пасть чудища, огромные, блеснувшие лунным светом глаза, перепончатые, как у летучей мыши, крылья... Осмысливал увиденное Глеб позже, в тот момент ему было не до этого, и вывод он сделал очевидный: никакая это не птица, скорее нечто вроде птеродактиля. Теперь же он, воткнув в бревно нож, вскочил во весь рост, обеими руками вцепился в шест и резко качнул его.

Захлебывающаяся собственной кровью тварь издала нечто вроде булькающего клекота, сорвалась с шеста и, продолжая неистово, но уже беспорядочно, размахивать крыльями, рухнула в реку. Поднявшимися волнами едва не перевернуло плот. Мокрый с головы до пят Глеб упал на колени и вцепился в бревно, благо что ногти – скорее, когти – у него были длинные и крепкие. А когда течение отнесло плот от бьющейся в агонии крылатой уродины и мутант поднялся на ноги, он увидел сидящего возле шалаша враскорячку испуганного, мокрого Пистолетца.

– Ты зачем выбрался?! – набросился на лузянина Глеб. – Тебе жить надоело? То из-за ерунды трусит, то, когда не надо, храбрый! Ты не только слова, ты вообще все путаешь! У тебя мозги сикось-накось повернуты.

– Не ругайся, – неожиданно спокойно сказал Пистолетец. – Я боялся. Еще как! За тебя. Вот и не смог усидеть там.

Лузянин вновь не сделал в довольно длинной тираде ни единой ошибки, и это, вкупе с обыденным тоном, подействовало на Глеба отрезвляюще.

– Ладно, – буркнул он. – А теперь полезай и постарайся поспать.

– Давай пристанем и оба поспим, – предложил лузянин.

– Нет уж. Ночью вся эта дрянь только и ждет, кого бы слопать! Лучше уж на воде оставаться, все ж летунов в небе проще заметить, чем какого-нибудь змеemedведя в зарослях. Так что ты дрыхни пока, а я порулю. Рассветет – тогда и пристанем. И тогда я буду спать, а ты – головой вертеть.

До утра ничего особенного не происходило. Впрочем, не особенного тоже – плот несло вниз по реке сонным течением, Глеб изредка двигал гребь, корректируя направление, да смотрел по сторонам. И, разумеется, думал о случившемся; в первую очередь о своих неожиданно открытых способностях. Если одна из них, умение видеть в темноте, оказалась очень и очень полезной – особенно сейчас, ночью, под открытым небом и практически без средств самозащиты, то другая, «пиротехническая», Глебу весьма не нравилась. С одной стороны, она бы, может, тоже могла приносить пользу – для разжигания костра, например, или для защиты от хищников, но проблема заключалась в том, что пробудить эту способность к действию сознательно мутант не мог. А возникающая спонтанно, она могла принести (и уже принесла) только неприятности и беды. Если поначалу Глеб думал, что вызывает огонь, когда сильно рассер-

дится, то теперь он уже в этом сомневался. После того как он разозлился на Пистолетца на сеновале, ему приходилось сердиться и нервничать куда сильнее, но рядом ни разу ничего не воспламенялось. Видимо, причина все же скрывалась в чем-то ином, а скорее всего, ее не было вовсе, и возгорания происходили случайно, хотя почему-то «катализатором» горения оказывался именно он.

Как всегда, мутант попытался вспомнить хоть что-нибудь из своего прошлого, и как обычно, ничего у него из этого не вышло.

Между тем небо на востоке потихоньку стало наливаться розовым. Глеб стал пристальней всматриваться в прибрежную полосу, выбирая место для стоянки. Вскоре он нашел вполне подходящее пристанище – поросшее густым ивняком на берегу и скрытое зарослями камыша со стороны реки – и направил туда плот. Привязал его веревкой из коры к ивовым стволам и заглянул в шалаш.

– Эй, Пистолетец, подъем!

Лузянин подскочил столь стремительно, что едва не своротил шалаш.

– А? Что? На нас напали?...

– Пока нет. Просто я спать хочу.

– Уф-ф, рохошо! А то я испугался... А где мы?

– Все там же, – усмехнулся Глеб. – На реке. Я к берегу пристал и хочу вздремнуть пару часиков. Ну а ты смотри в оба. Если заметишь что подозрительное – сразу же меня буди.

– А может... – замялся Пистолетец, – может, поедим счанала немножко?

– Ты ешь, я не хочу, – помотал головой мутант, которому и впрямь спать хотелось куда больше, чем есть. – Я после поем, если ты мне оставишь чего-нибудь.

– Конечно, оставляю! – обиделся лузянин. – Чего уж ты так хлопо обо мне думаешь?... Я даже рыбы наловлю, если ты мне снасти дашь и нож, чтобы удилище срезать.

– Ну, мысль неплохая, – подумав, сказал Глеб. – Тем более, я все равно понятия не имею, как это делается. Только ты далеко не уходи, а то меня, пока ты рыбачишь, самого кто-нибудь слопает.

– Не! Я здесь и буду довить. Одойту только за удилищем, да верчей накопать.

– Чего накопать?... – удивленно заморгал Глеб.

– Верч... этих, которые в земле живут... червей, во!

– Зачем? Уж не надумал ли ты меня червями кормить?

– Да ты что?! Ты равзе не знаешь, зачем на быралке нужны черви? – в свою очередь удивился Пистолетец.

– Говорю ж тебе, не знаю я, как рыбу ловят! А ты, коли знаешь, то и делай, что нужно. Только еще раз повторяю: не увлекайся, далеко не уходи. Тем более, слопать и тебя могут, лес же кругом, вряд ли он необитаем.

Напутствовав таким образом своего товарища и выдав ему подаренные Макусином снасти, а также – весьма неохотно – нож, Глеб забрался в шалаш, вытянулся в полный рост, отчего ноги его оказались снаружи, и тут же провалился в долгожданный сон.

Когда мутант проснулся, солнышко стояло уже довольно высоко. Глеб чувствовал себя отдохнувшим, но ужасно голодным. Он вылез из шалаша. Пистолетца на плоту не было.

– Эй, рыбак! – позвал мутант. Никто ему не ответил. Тогда он крикнул громче: – Пистолетец! Ты где?! Иди сюда!

Глеб по-настоящему еще не начал волноваться, как вдруг увидел на берегу аккуратно сложенную под кустом одежду напарника.

– Он что, идиот эдакий, искупаться решил?... – охнул мутант. – Его ж, придурка, речная тварь какая-нибудь сожрала!..

Но тут метрах в пяти-шести от того места, где кончались камыши, раздался всплеск, и над водой показалась плешивая, облепленная редкими мокрыми волосенками, голова Пистолетца. Лузянин глубоко и судорожно дышал. Затем он сделал три глубоких вдоха и снова собрался нырнуть, но Глеб успел крикнуть:

– Куда, зараза?! А ну, плыви сюда! Ты что, совсем рехнулся?

– Ой!... – обернулся Пистолетец, не собираясь, впрочем, плыть к плоту. – Ты проснулся?

– Нет, я еще сплю. А у тебя просто глюки из-за съехавшей крыши... Ты что, не понял, что я тебе сказал: живо гребни сюда!

– Подоги, Глеб... – забормотал лузянин. – Поминаешь, я тут рыбки наловил...

– Вот и молодец. Плыви сюда и неси свою рыбку. Я жрать хочу!

– Так ты поешь, я там оставил тебе... Картошечка, морковка... А я пока рыбку поищу.

– Не понял... – нахмурился Глеб. – Так ты ее наловил или нет? И ты же вроде удочкой собирался ловить, а не руками под водой. Или я что-то путаю?

– Ты не путаешь. Я наловил... Я ее на кулан насаживал. Это прут такой ивовый... Я его к плоту призывал. А он... того... раззявался...

– Тьфу ты! – начал сердиться Глеб. – И ты теперь ныряешь, чтобы кулан свой с рыбой найти?

– Ну, да...

– Так он что, по-твоему, на дно ушел? Даже я знаю, что дохлая рыба кверху брюхом плавает. Его уже течением унесло давно!

– Да?... – почесал плешь Пистолетец. – Ну, тогда его, может, к тем кустам прибило, – махнул он рукой в сторону еще одного росшего ниже по течению кустарника. – Я сейчас быртсенько сплываю, ладно?

– Никаких плаваний! – топнул мутант, отчего плот испуганно закачался. – Ты что, совсем не соображаешь? В реке тоже всяких монстров может навалом быть! Оттяпают тебе ноги, или что еще... А то и вовсе сожрут. Вот и будет тебе рыбалка наоборот.

Даже издали было видно, как побледнел, услышав о монстрах, Пистолетец. Он вылетел из реки столь стремительно, словно его и впрямь кто-то цапнул за заднее место. И все-таки к плоту лузянин не пошел. Подобрал одежду, потоптался на месте и сказал:

– Я пешком тогда схожу. Берегом. Только до тех кутсиков. Ладно?

– Да хрен с тобой, иди, – махнул рукой Глеб. – Но смотри, коли сожрут – назад не возвращайся.

– А... как же я вернусь, если меня сожрут?...

– Я и говорю: не возвращайся, – хмыкнул мутант и, видя, что Пистолетец все еще стоит, хлопая глазами, вздохнул: – Да шучу я, шучу! Иди уже давай. Только и в самом деле, поосторожней, – и буркнул тихо под нос: – А то я уже привык к тебе, идиоту, скучно теперь одному будет. Во всяком случае, поначалу.

Между тем Пистолетец, натянув одежду, семенил уже по берегу к кустам. Глеб же достал остатки съестного и сел завтракать. Или, скорее, судя по положению солнца, обедать. Увлечшись едой – хотя и было-то ее совсем ничего: две картофелины, три морковки да хвост печеной рыбы, – мутант ненадолго забыл о напарнике. А надолго и не получилось бы, поскольку из кустов, куда направился Пистолетец, раздались его возмущенные крики.

Глеб подскочил, мысленно коря себя за то, что послушался лузянина и отпустил того одного. Впрочем, он тут же осознал, что вопит напарник именно возмущенно, а вовсе не испуганно и уж тем более не обреченно. Тем не менее, мутант быстро выбрался на берег и побежал к дальним кустам.

Картина, которую он там увидел, не только успокоила его, но и весьма развеселила. Глеб даже уселся на выброшенную рекой корягу и приготовился наблюдать за дальнейшим развитием событий. А посмотреть было на что! Пистолетец, не переставая кричать: «Отдай! Мое!

Гад!», еще что-то в том же духе, а также просто «А-а-аа!», вцепился левой «шестерней» в длинный, серый от грязи и пыли, похожий на балахон плащ худенького чумазого паренька. Правой беспалой рукой лузянин тщетно пытался отобрать у парня ивовый кукан, на котором болталось шесть небольших рыбинок. Противник Пистолетца изо всех сил пытался вырваться, но это ему никак не удавалось. В отличие от своего обидчика, он сражался молча, издавая лишь негромкое сопение.

Короткие, некогда, видимо, светлые, а теперь просто грязные волосы паренька торчали в стороны неопрятными сосульками, делая его похожим на дикобраза. Во всяком случае, именно такое сравнение пришло в голову Глеба, чему он весьма удивился: где и когда он мог видеть столь экзотическое для данной местности животное, он понятия не имел. А потом мутант пригляделся к парню внимательней и вздрогнул: тот был вовсе не чумазым, как ему показалось вначале. Все лицо и часть шеи несчастного юноши покрывали серо-коричневые, похожие на еловую кору коросты. Паренек, как и они с Пистолетцем, определенно принадлежал к «роду» мутантов.

– Все! – поднялся на ноги Глеб. – Хорош дурью маяться. Объявляю ничью.

Паренек, который только сейчас заметил ужасного обликом «зрителя», испуганно пискнул, отбросил кукан и, двумя руками освободив плащ от шестипалой хватки, метнулся к реке.

– Ага! – обрадованно завопил Пистолетец, бросившись в противоположную сторону, куда отлетела его добыча.

Глеб же отправился вслед за парнем – ему стало интересно, почему тот выбрал для спасения именно реку. И вскоре ему стало ясно почему: на воде, уткнувшись носом в берег, покачивалась лодка. Юноша как раз отвязывал веревку, которой та была привязана к торчавшей из земли коряге. Увидев неподалеку своего жуткого преследователя, он мигом запрыгнул в утлое суденышко. Еще пара мгновений, и, оттолкнувшись веслом, беглец оказался бы вне досягаемости Глеба. Однако мутант, не отдавая себе отчета, зачем он это делает, действуя скорее инстинктивно – убегают – догоняй! – в два прыжка оказался у воды и схватился за борт лодки.

– Не надо! Не убивай! – сжавшись в комок, упал на дно лодки паренек.

Глеб одним мощным рывком больше чем наполовину вытащил лодку на берег. Стараясь, чтобы голос прозвучал как можно дружелюбней, позвал:

– Эй, ты! Не бойся, я не собираюсь тебя убивать. И есть тебя тоже не стану.

– Правда?... – приподнял голову парень, который наверняка уже сообразил, что деваться ему все равно теперь некуда.

– Чтоб я сдох!

Юноша вздохнул, будучи, видимо, не против такого исхода событий, но понимая, что сказанное страшилищем всего лишь образное выражение, фигура речи.

– Вылезай, – сказал Глеб. – Поболтаем.

– Зачем? – неохотно стал подниматься парень.

– Зачем поболтаем?... Для обмена информацией.

– Рыбу я не воровал! – выпалил юноша. – Ветка с ней мимо проплывала, я и взял. А этот... налетел!..

– Да я ж тебя разве в чем обвиняю? Вылезай, вылезай, не трону я тебя, сказал же.

– Честно?

– Честно.

– А тот, беспалый? Не набросится опять?

– Не набросится.

Паренек перекинул ногу за борт лодки, запутался в плаще и наверняка упал бы, но Глеб успел его подхватить и поставить на землю. Парень, дернувшись, толкнул мутанта в грудь.

– Ты чего? – удивился тот.

– А чего хватаешься? Обещал же не трогать!

- Так ты же грохнулся сейчас бы!
- Ну и что! Обещал не трогать – не трогай.
- Ладно, не буду, – развел руками Глеб. – Вот уж прям...
- Да! – огрызнулся юноша. – Я не люблю, когда словами бросаются.
- Договорились. Больше я до тебя не дотронусь, даже если ты сам просить станешь.
- Не стану, не надейся.
- Тьфу ты, вот же поперечина!
- Кто?... – удивился паренек.
- Да тот, кто поперек все говорит. Ты ему слово – он тебе два.
- Вот уж неправда!
- Тьфу!.. – снова сплюнул Глеб. – Пошли, а то Пистолетец там всю рыбу слопает.
- Кто слопает? – замер парень.
- Твой беспальный приятель, – усмехнулся мутант.
- Он мне не приятель.
- И ты еще будешь возражать насчет поперечины?
- У меня имя есть, – буркнул юноша.
- Одно другому не мешает. А что за имя, если не секрет?
- Сашок.
- Понял. Я – Глеб. И пошли давай, долго мы еще тут стоять будем?

Мутант повернулся и пошел туда, где остался в очередной раз искать свою рыбу лузянин. Парень оглянулся на лодку, оценил, видимо, что быстро ему ее на воду не спихнуть, и неохотно побрел следом.

Глава 7

Рекогносцировка

Пистолетец, который уже отыскал дважды потерянный кулан и стоял, прижимая к груди вновь обретенную добычу, встретил вернувшихся холодно. Причем свое недовольство лузянин высказал сначала Глебу:

– Ты зачем его привел? Это же вор! Надо было его употить.

Затем он перекинулся на парня:

– Ты чего сюда приперся? Думаешь, украсть не вышло, так все равно намóкрят?

Сашок поначалу растерялся. Станные слова, услышанные впервые, он принял, видимо, за некий специфичный жаргон. Но ответил так, будто всегда использовал эти словечки в своей речи:

– Меня и не такие, как ты, потили. Только я не вспотел ни разу. И мóкрить меня тоже не тебе. Я тебя сам намóкрою, вспотеешь будь здоров!

– Хватит вам лаяться, мокрицы! – не выдержал Глеб. – Ишь, как спелись, нашли общий язык. Вы не родственники, часом?

– Я таких дорственников знаешь где видал? – вскинулся Пистолетец.

– Сказано же: хватит! – прикрикнул мутант и обернулся к парню: – Есть хочешь?

– Хочу, – буркнул тот.

– Вот! – взвился лузянин. – Я же горючил!..

– «Погорючишь» еще – останешься голодным, – сказал Глеб. – Я не шучу.

– Вот ведь!.. – начал было Пистолетец, но осекся, притих, только сокрушенно помотал головой. – Еще, небось, и тоговить мне придется...

– А вот тут ты угадал, – кивнул мутант. – Пойдем сейчас к плоту, возьмешь у меня в рюкзаке спички, разведешь костер и поджаришь рыбу.

– Ее лучше запечь, – сглотнул слюну Сашок.

– Как ты себе это представляешь? – поинтересовался Глеб.

– Очень просто: нужно обвалить ее в глине и запечь на углях. Так ее и чистить не надо – потом вместе с глиной вся чешуя сойдет.

– Вот пусть он тогда и готовит! – обрадовался Пистолетец.

– Нет, готовить будешь ты, – отрезал мутант. – Технология нехитрая. А мы пока с Сашком побеседуем по душам. Пойдемте, давай, к плоту.

– А лодка? – заволновался Сашок.

– Пока здесь побудет. Теперь она никуда не уплывет. А когда поедем, побеседуем, тогда и решим, что дальше делать.

Костер Пистолетец развел споро – не раз, видать, ему приходилось это делать. Поворчал, правда, что теперь кто-нибудь увидит дым и примчится их убивать.

– Так мы, вон, на плот – и поплыли! – сказал Глеб. – Убивайте потом, коли сможете.

– Могут и выстрелить, – тихо сказал Сашок.

– Кто из чего тут может выстрелить? – удивился мутант. – «Диким» же под страхом смерти запрещено иметь огнестрел!

– Кто его знает, – пожал плечами паренек. – И не обязательно из ружей стрелять, можно ведь из лука или арбалета.

Глеб призадумался. Потом махнул рукой:

– Есть-то нам нужно. Что же теперь, каждого куста бояться? Пусть они нас боятся.

– А я тебя в самом деле испугался, – совсем тихо сказал Сашок. – Страшный ты – жуть!

– Ага, а ты прям красавец! – встрял обмазывающий глиной рыбу Пистолетец. – У Глеба хоть мех, шерстка, приятная даже. А у тебя, вон, дерьмо какое-то захосшее на роже.

Паренек потупил взгляд, а Глеб неожиданно вскочил. Шагнул к костру и навис над сидящим на корточках лузяником.

– Слушай, ты, – злобно зашипел мутант. – Если ты еще раз вякнешь что-либо подобное, то в дерьме окажешься сам. И отнюдь не в засохшем. И побежишь назад в свою Лузу. Понял?

Пистолетец быстро-быстро закивал, а Сашок встрепенулся:

– Куда? В Лузу?... А почему в Лузу? Вы что, тоже из Лузы, да?

– Почему «тоже»? – вернулся и снова сел рядом с ним Глеб. – Ты оттуда, что ли?

– Ага, – улыбнулся парнишка. – Я там на улице Осипенко жил, возле больницы. А вы?

– Я не из Лузы. Это, вон, тот твой земляк, – усмехнулся мутант. – Все-таки я почти угадал: не родственники, так земляки... Его, кстати, Пистолетец зовут.

– Странное имя... А где он в Лузе жил? Что-то я его не припомню...

– А ты что, всех в Лузе знаешь? – вновь подал голос Пистолетец. – Я тебя тоже не мопню, между прочим. А жил я... тоже недалеко от лобницы.

– От чего?... – заморгал Сашок.

– Ты не обращай внимания, – вполголоса проговорил Глеб. – У него такая... мута... особенность: он слова путает и буквы в них переставляет. Но привыкнуть можно.

– А чего мне привыкать? – буркнул юноша. – Поем сейчас, спасибо скажу, да поплыву дальше.

– Ну, об этом мы еще поговорим. А сейчас расскажи-ка еще о Лузе. Где ты, говоришь, жил там, на какой улице? Осипенко?... – Глеб обернулся к напарнику: – Пистолетец, ты знаешь такую улицу?

– Не знаю, – буркнул тот. – Но ведь мое мнение теперь под пазретом...

– Ты мне это брось! Не перегибай палку-то. Ишь, обиделся он. Весь такой белый и пушистый!

– Пушистый – это ты у нас, – фыркнул Пистолетец. – А я – урод безмозглый. Лучше бы мне язык вместо пальцев отрезали, да?...

– Сейчас ведь точно по башке вмажу, – пообещал Глеб. – Тогда уж точно безмозглым станешь.

– А кто ему пальцы отрезал? – шепнул Сашок.

– Да отморозки ваши, из Лузы. Оттого и сбежал он оттуда.

– Я тоже из-за них... – вздохнул юноша и посмотрел на Пистолетца уже без прежней неприязни: – Так ты и правда тоже возле больницы жил? А где: на Добролюбова, на Горького, на Ленина?

– Это что, допрос? – запыхтел Пистолетец, переворачивая рыбу и отдуваясь от лезущего в глаза дыма.

– Почему допрос, просто интересно.

– Ну, на Ленина. Еще что тебе инсеретно?

– А в каком доме?

– В большом.

– Нет, ну правда... Какой номер? Может, мы соседями были.

– Восьмой. Теперь доволен?

– Нет... – заморгал Сашок. – Восьмой – это же не рядом с больницей... Это совсем в другой стороне. Напротив больницы на Ленина сотые номера.

– Ладно, Сашок, и впрямь уже хватит, – вмешался Глеб и добавил тихо, наклонившись к уху парня: – Я ж говорил тебе, что он слова и буквы путает. Числа, наверное, тоже, – а потом уже в полный голос обратился к Пистолетцу: – Ну, что, как там наша рыба? А то мы сейчас слюной изойдем.

Рыба оказалась готовой. Пообедали с большим аппетитом; по общему мнению, для полного удовольствия не хватало только соли.

Глеб обратил внимание, что паренек все время кутается в свой балахон.

– Ты чего? – спросил он. – Замерз, что ли? Лето же на дворе, а ты еще и в плаще вон.

– Замерз, – буркнул юноша. – Мне все время зябко, хоть зимой, хоть летом. Мутация, наверное, такая. А может просто свойство моего организма. Ничего, я уже привык, не обращайтесь внимания.

– Да ладно, – пожал плечами мутант, – нам это не мешает. – А потом он перешел к главному вопросу: – Так куда же ты, Сашок, путь держишь?

– А вы? – мгновенно сжался парень, став опять похожим если не на дикобраза, то уж точно на растопырившего колючки ежа.

– Мы туда, куда тебе точно не нужно, – сказал Глеб.

– Откуда ты знаешь, куда мне не нужно?

– Потому что там, куда мы направляемся, нас с большой вероятностью убьют. Ну, во всяком случае, меня.

– Почему?

– Потому что я страшный, сам же сказал. И потому что я ничего о себе не помню. А тот, кто ничего не может о себе сказать и выглядит, словно леший, вызывает справедливые подозрения. Ну, а те, к кому мы направляемся, вряд ли любят в чем-то сомневаться. И человеколюбием они тоже вряд ли страдают. Так что...

– Вы плывете в Устюг, – не спросил даже, а утвердительно сказал Сашок. – К морозовцам.

– Да... – уставился на парня мутант. – А ты откуда знаешь?

– Потому что, плывя по течению, в первую очередь можно приплыть как раз туда, – передразнивая интонации Глеба, стал перечислять юноша. – И потому что мутанты не поплывут по своей воле к храмовникам, – тут вдруг тон голоса у Сашка переменялся, стал просительным, умоляющим: – Возьмите меня с собой! Ну, пожалуйста! Я вам рыбу буду ловить, грибы-ягоды собирать, корешки всякие... Я и готовить буду, и одежду стирать, все стану делать, что ни прикажете!.. Понимаете, мне очень-очень к морозовцам нужно! Они хорошие, они за мутантов, потому что и сами такие. Мне больше никуда пути нет! Со мной никто жить рядом не хочет, потому что у меня такое лицо. Все думают, что это не мутация, а зараза какая. Вот даже вы... и то...

– А ну, тихо! – прикрикнул Глеб. – Ишь, разнылся!.. – он повернулся к Пистолетцу: – Ну что, возьмем его?

– Только если он и правда будет все делать, что пересичлил! – тут же нашелся старший лузянин.

– Тогда так, – подвел итог мутант. – Сейчас отправишься с нами, но при первой возможности, если встретим по пути село или деревню, где тебя согласятся принять к себе, ты останешься там. Согласен?

Неизвестно, был ли с этим полностью согласен Сашок, но плечами он пожал с понятным, однозначным смыслом: а куда мне, дескать, деваться?

– И вот еще что, – нахмурился Глеб. – Мы с вами сейчас, как слепые котят. Плыдем, сами не знаем куда...

– Как это не знаем? – перебил его Пистолетец. – В Устюг же... в этот... Левикий...

– Великий, – поправил его Сашок.

Пистолетец сердито зыркнул на паренька, но промолчал.

– Это я и без вас знаю, – скорчил страшную рожу мутант. – Но где именно мы плывем, сколько нам еще плыть осталось, как мы вообще узнаем, что приплыли – все это нам неизвестно. А это плохо. Может, Устюг за тем, вон, поворотом реки, и нам бы стоило вообще берегом уже пойти, тихонечко, скрытно, а мы выплывем во всей красе на всеобщее обозрение!..

– Да нет, он дакело еще, я думаю... – неуверенно произнес Пистолетец.

– Ну, это я к примеру про этот поворот. Но сути дела это не меняет. Думаю, нам стоит пойти на риск и пообщаться с жителями какого-нибудь села, которое нам встретится. Заодно и насчет Сашка поговорим.

– Не надо... – жалобно начал паренек, но свирепый взгляд мутанта заставил его притихнуть. А потом он снова открыл рот, но сказал то, что Глеб и ожидать от него не рассчитывал: – Мы и без жителей этих можем все узнать.

– Как это? – нахмурился он.

– По карте.

– По какой еще карте?

– Вот по этой.

Сашок сунул руку за пазуху своего плаща и достал из внутреннего кармана засаленную, мятую, с лохматыми, оборванными краями карту. Он развернул ее и разложил на бревнах плота. Все трое тут же склонились над ней.

– «Карта Вологодской области», – прочитал Глеб. – Что ж, смотри-ка, достаточно подробная. Как я погляжу, ты к путешествию-то серьезно подготовился. Это хорошо.

– Я за нее недельный паек отдал, – с гордостью проговорил Сашок.

– Было за что, – кивнул мутант.

– А вот и Устюг! – радостно ткнул в один из кружочков на карте Пистолетец.

– Устюг – это хорошо, – сказал Глеб. – Нам бы теперь узнать, где мы сейчас находимся. Хотя... – он еще ниже наклонился над картой, что-то выискивая на ней, а потом радостно воскликнул: – Так вот же Ильинское!

– Но мы же полночи от него плыли, – заметил Пистолетец.

– То есть, часа три-четыре, – согласился мутант. – Масштаб карты нам известен. Осталось узнать скорость течения реки, и тогда мы узнаем, сколько мы проплыли, а значит, и где мы находимся.

– Как же мы ее узнаем? – опечалился Сашок. Пистолетец тоже не выглядел радостным.

Глеб выпрямился и сошел с плота на берег. Поднял с земли сухую веточку, бросил ее в реку и зашагал вровень с ней широкими шагами, бормоча что-то под нос. Затем вернулся к своим товарищам и объявил:

– Конечно, это очень приблизительно и грубо, но большая точность нам особо и не нужна. Так вот, скорость реки примерно два километра в час.

– Ты, наверное, шаман, – с восхищением посмотрел на него Сашок.

– Нет, просто я считать умею.

– Какой еще шаман? – заморгал Пистолетец.

– Я как-то книжку нашел, – сказал паренек. – Там про всякие северные народы рассказывалось. У них шаманы были – ну, колдуны по-нашему. Так они все у своих духов узнавали, что надо. И помочь просили, если что.

– Другие книжки надо было читать, а не сказки всякие, – строго ответил Глеб. – Чтобы не на духов несуществующих надеяться, а на себя самого. Но хорошо уже то, что вообще читать умеешь.

Глеб вернулся к карте. Почесал голову, потом склонился над листом и стал водить по нему пальцем, опять что-то неразборчиво бормоча. Через какое-то время поднял голову и посмотрел на своих спутников.

– По приблизительным прикидкам, мы находимся где-то здесь, – ткнул он в карту там, где синяя ниточка реки делала волнистый изгиб, – между Истоком и Шастово. Примерно через восемь-десять километров в Лузу должна впадать река Юрец. Тогда мы и узнаем, где находимся, совершенно точно. Сейчас, – прикрыв глаза ладонью, посмотрел он на небо, – часа два-три дня. Значит, до этого Юрца мы доберемся еще засветло, если не будем больше делать дол-

гих остановок. И можем даже успеть до ночи добраться вот сюда... Что тут у нас?... Какая-то Слободка. В общем, вот такой у нас план на сегодня. Сейчас приведем сюда лодку Сашка, привяжем ее к плоту – и в путь. Времени попусту терять не стоит.

– Подоги, – вмешался Пистолетец. – Юрец, Блосодка – это все хорошо. А до Устюга-то сколько нам плыть, ты посчитал?

– Примерно прикинул, – кивнул Глеб. – Отсюда до него около пятидесяти километров, плюс-минус... От Слободки – примерно сорок. То есть, после нее нам потребуется порядка двадцати часов. Так что если будем плыть все светлое время суток, то за два дня должны добраться. Ну, за три уж точно, учитывая вынужденные остановки.

Сашок с Пистолетцем промолчали. По выражению лица старшего лузянина можно было прочесть, что он согласен был бы плыть не три, а все тридцать суток, лишь бы на подольше оттянуть встречу с опасностями, поджидающими их в Великом Устюге. Сашок же пригорюнился оттого, что одной из упомянутых Глебом «вынужденных остановок» должна стать та, на которой он должен будет покинуть новых друзей. Во всяком случае, именно так понял выразительное молчание своих спутников Глеб. Как бы то ни было, о себе он знал точно: он хочет попасть к Деду Морозу, он должен попасть к Деду Морозу, он попадет к Деду Морозу, чего бы ему это ни стоило. И чем скорее, тем лучше.

Глава 8

«Русалка»

Все получилось так, как рассчитал Глеб. И до Юрца путники доплыли засветло, и до Слободки добрались, когда еще солнце не опустилось за линию горизонта. Мутант, прищурившись, посмотрел на видневшиеся вдали, на косогоре, домики, наполовину скрытые деревьями, затем перевел взгляд на Сашка. Паренек сразу съежился, засуетился, запахнулся плотнее в свой балахон, пробормотал: «Пойду червей накопаю, да рыбы наловлю, пока еще видно хорошо...» – и, выбравшись на берег, юркнул куда-то в кусты.

– Смотри, – хихикнул Пистолетец, – как помчался-то! Ты заметил, какой он стенсительный? Мы и с плота в реку помочиться не брезгуем, а он терпит... А ты чего так на деревню смотришь, здесь его отсавить думаешь?...

– Не знаю пока, – буркнул Глеб, – переночуем – посмотрим.

– А может, не надо? – спросил вдруг лузянин. – Пусть уж с нами плывет. Кому он тут жунен?

– Кто-то недавно совсем другое говорил, – усмехнулся мутант.

– Так я зол на него был. А сейчас придлягелся – ничего вроде парень.

– Да все с тобой ясно, – осклабился Глеб. – Просто Сашок всю работу на себя готов взвалить, вот это тебе и понравилось.

– Дело не в том, что я не хочу баротать, – многозначительно поднял палец Пистолетец, – а в том, что мне нужно свою главную боязность исполнять, а мне все некогда.

– Какую еще боя... тьфу!.. обязанность? – вытаращил глаза мутант.

– Забыл? Я же твой пистолетец.

– Допустим, никакой ты не мой, но да, так я тебя стал называть.

– Да нет же, не имя!.. – защелкал пальцами лузянин, вспоминая слово. – Это... как же... писто... нет!.. столе... тьфу ты!.. лето... да, вот! Летописец! А я еще ни строчки не записал. Надо хотя бы начать, пока еще не совсем метно.

И Пистолетец тоже сошел с плота на берег. Выбрал травянистую кочку поудобней, сел, достал из-за пазухи блокнот, карандаш и принялся что-то увлеченно корябать.

Вскоре появился и Сашок, несущий в листе лопуха с пять-шесть извивающихся червяков.

– Бревно приподнял, – радостно доложил он, – а под ним их вон сколько сразу!

Парень взял сделанную Пистолетцем удочку и начал прямо с плота ловить рыбу. Глеб увлеченно наблюдал, как Сашок одну за одной стал выдергивать из воды плотвичек. Попалась ему на крючок и пара вполне приличных, с полторы ладони длиной, окуней. Скоро количество пойманных рыбин перевалило за десяток. Мутант подумал, что паренек или знает какой-то рыбацкий секрет, или он просто везучий. Пистолетец-то утром за куда большее время выудил всего ничего.

Сашок словно услышал его мысли:

– На вечерней зорьке хорошо клюет. Эх, жалко толстой нитки нет, сейчас бы щуку на живца половил!

Между тем солнце уже село, да еще небо затянуло облачной хмарью, так что вскоре стемнело весьма значительно.

– Хватит, – сказал Глеб, – заканчивай. Пошли дрова для костра собирать, – он обернулся к сидящему на берегу Пистолетцу: – Эй, писатель! Не видно ж ничего, что ты там мучаешься?

– А я на ощупь! – откликнулся старший лузянин.

– Вот и дрова сейчас будешь искать на ощупь.

– Так ты-то видишь в ментоте.

– То есть ты поручаешь эту обязанность мне? Спасибо за доверие.

– Я помогу! – торопливо сказал сматывающий удочку Сашок. – Сейчас, вот только... – Он отложил удочку и робко посмотрел на Глеба. – А что... ты и правда в темноте видишь?

– Вижу, – пожал плечами мутант. – Но вдвоем-то мы все равно быстрее дров насобираем. А то, честно говоря, есть уже хочется.

Небо затянуло низкими тучами, вот-вот можно было ожидать дождя. Костер разводили уже практически в полной темноте. Если бы не полезная особенность зрения Глеба, справиться с этим было бы куда труднее. А так костер очень быстро занялся, затрещал сучьями, запуская искры в почти черное небо. Сашок тоже весьма оперативно исполнил свои поварские обязанности, запек рыбу, разложил ее возле едоков. Каждому досталось аж по четыре штуки – причем Глебу и Пистолетцу он отдал и самую крупную добычу, окуней.

– Э, нет, – мотнул головой мутант. – Так не пойдет. Ты еще молодой, тебе расти нужно, так что вот... – и он поменял своего окуня на рыбешку помельче из пая Сашка.

– А ты большой, – подхватился Пистолетец, – тебе тоже есть бошле надо! – своего окуня он отдал Глебу, ничего не взяв взамен. Насчет окуня мутант спорить не стал, но одну свою рыбину отдал лузянину.

Рыба была поделена, собрались уже есть, когда Сашок вдруг сказал:

– Я вот что вспомнил. Книжку я как-то читал, про шпионов...

– Кто тут у нас шпион-то? – пробурчал Пистолетец. – Думай, что роговишь!

– Да я не про нас, – смутился паренек. – Я про другое. Там поймали одного и стали проверять. Говорили ему всякие слова, а он должен был быстро, не задумываясь, называть ассоциации... Ну, тоже слова, которые ему первыми приходили в голову. Так он себя и выдал. Вот я что и подумал, Глеб: давай я тебе тоже буду слова говорить, а ты – то, что тебе в голову придет. Только быстро, не думая. Вдруг что-то из твоей памяти и выудим?

– Тебе бы только выуживать, бырак! – снова заворчал старший лузянин.

Но Сашок смотрел на задумавшегося мутанта.

– Ну, давай попробуем, а? Хуже-то не будет.

– Давай попробуем, – пожал плечами Глеб. – Только глупости все это. Придумали там, в книжке, ерунду...

– Так я начинаю? – подобрался юноша.

– Давай, – сел поудобнее мутант.

– Мама! – выпалил паренек.

– Папа, – откликнулся Глеб.

– Город!

– Деревня.

– Нет, ну ты какие-то противоположности говоришь, – поморщился Сашок. – Так не получится.

– А я и говорил, что не получится, – ответил мутант. – И ты ведь сам велел называть то, что первым приходит в голову. А мне это приходит. Все, поиграли, хватит.

– Нет, давай еще немного! – взмолился парень. – Называй, что хочешь.

– Ладно, давай, только по-быстрому, – смилостивился Глеб.

– Река, – сказал Сашок.

– Озеро, – парировал мутант.

– Память!

– Дырявая.

– Глеб!

– Хлеб.

– Да почему хлеб-то? – снова не выдержал юноша.

– Потому что я жрать хочу! – рыкнул Глеб. – Хорош глупостями заниматься. Мама-папа!.. Рыба остынет.

Сашок сразу поник, но спорить не стал. Мутант мысленно усмехнулся: наверняка парень надеялся, что если из его книжной затеи что-то получится, то над ним сжалятся и оставят – как же, пользу принес человек! Впрочем, от него и так есть польза: рыбу, вон, ловит, готовит. Да и вообще...

Ели молча. Каждый думал о своем. Впрочем, мысли Сашка и Глеба были на одну и ту же тему. Паренек боялся, что его оставят в Слободке, мутант же никак не мог решить, что для Сашка будет лучше. Сначала он больше склонялся к тому, что лучше не особо хорошо, но жить, а не превратиться в столь юные годы в кусок гниющего мяса. Но потом вспомнил, что он ведь и сам совсем недавно отказался от возможности спокойной, пусть и скучной жизни, обменяв ее на то же самое, к чему рвется и этот паренек. А может, он, Глеб, просто боится ответственности за жизнь юноши? Ведь если он согласится взять его с собой, то волей-неволей станет ответственным за его судьбу... Да что уж там, конечно же станет! А надо ему это?...

Глебу стало неуютно. Увидев, что все уже закончили трапезу, он поднялся и сказал:

– Полезайте в шалаш, вы оба худенькие, поместитесь. А я веток сейчас нарву, да прямо на плоту, на бревнах устроюсь. – Мутант посмотрел на посветлевшее небо и удовлетворенно заметил: – Вроде как разносит тучи-то, не будет дождя, думаю.

– Нет! – подскочил испуганный Сашок. – Я в лодке буду спать!

– Чего ты испугался-то так? – удивился Глеб. – Пистолетец людей не ест.

– Я не... не его... – замялся, опустив голову, парень. – Я вообще... Я один привык.

– Ну, один так один, – пожал плечами мутант. – Давай тогда хоть тоже тебе веток нарву, все помягче лежать будет. А ты, писатель, отправляйся тогда один в шалаш. Молодежь с тобой спать не желает.

– Я как-то тоже с такой ломодежью не особо жажду, – захихикал Пистолетец. – Вот кабы то не Сашок был, а Сашенька...

– Сашеньку ему... – шутливо заворчал Глеб. – Вон, русалку поймай – и будет тебе Сашенька.

– Между прочим, – неожиданно подал голос смущенный Сашок, – русалки на самом деле есть, вы зря смеетесь.

– Опять в книжках вычитал? – фыркнул Глеб.

– Нет, не в книжках. В Лузе рыбаки рассказывали. В сети им как-то попалась. Только она уже мертвая была, когда они сети пришли проверять.

– Да сказки это все!

– Нет. Я тех рыбаков хорошо знаю. Они могут приврать, да, но в тот раз правду говорили. Они сами перепугались, даже сеть распутывать не стали, а разрезали просто. В шутку это делать не стали бы.

– Да откуда тут русалки? – не унимался Глеб.

– А откуда тут волки, которые по редевьям лазают? – тихо спросил Пистолетец. – А откуда здесь... ты?...

Мутант не нашелся, что на это ответить. Махнул рукой и пошел рвать ветки для ночлега.

Поскольку Глеб мог видеть в темноте, он вызвался дежурить в первую, самую темную часть ночи – от Пистолетца тут все равно было бы мало толку. Сашка для дежурства решили вообще не задействовать.

Глеб нес свою «вахту», сидя на плоту, на мягкой куче из веток. Облака снова сгустились, но дождь так и не пошел, ночь выдалась тихой и теплой. Очень сильно клонило в сон. Чтобы не заснуть, Глеб черпал ладонями воду из реки, плескал ею в лицо и поливал голову. Пару раз ему чудилось шевеление в кустах. Но это могли быть как его дремотные видения, так и при-

знаки деятельности мелкой ночной живности. Во всяком случае, будь это волки или хищники покрупнее, шум был бы громче. Мутант стал поглядывать на эти кусты чаще и пристальней, но больше ничего подозрительного не увидел и не услышал.

Когда небо на востоке посветлело сильнее общего тускло-серого фона, а желание спать стало невыносимым, Глеб растолкал Пистолетца. Лузянин долго не мог понять, чего от него хотят, и даже когда выполз из шалаша и встал на ноги, все равно выглядел спящим.

– Умойся, – тихо, чтобы не разбудить Сашка, посоветовал мутант. – Или вообще ополоснись по пояс. Неплохо бы, конечно, и вовсе в реку залезть да пару раз окунуться, но кто его знает, что в той реке водится, да еще ночью.

– Русалки?... – будто лишь теперь проснулся Пистолетец.

– Даже не надейся, – хмыкнул Глеб. – В лучшем случае, щука-мутант, которая тебе что-нибудь откусит.

– А в худшем?

– В худшем – такая бяка, что целиком тебя проглотит, или на дно утащит.

– Ну вот чазем пугать чеволека, да еще ночью!.. – пробормотал Пистолетец.

– Зато сон прошел. Верно ведь? – вновь усмехнулся мутант. – Да и нести дежурство будешь усердней, напуганный-то.

Спал Глеб чутко. То и дело просыпаясь, слышал, как бродит по берегу Пистолетец, как тот зевает и вздыхает. Затем лузянину, видимо, надоело ходить – шуршание травы от его шагов стихло.

«Заснет ведь», – только и успел подумать мутант, как его поглотил глубокий, как черная бездонная яма, сон. Но уже в следующее, как ему показалось, мгновение он подскочил от истошного вопля Пистолетца:

– А-а-ааа!!! Русалка!!!

Спрыгивая с плота на берег, Глеб краем глаза успел заметить, что подскочил в своей лодке и Сашок. Паренек что-то крикнул ему, но мутант отмахнулся. Его больше сейчас беспокоило состояние старшего лузянина, который сидел на берегу и трясся так, что клацали зубы. Рассвело уже настолько, что даже без «ночного зрения» можно было разглядеть, насколько бледен Пистолетец. Взгляд его широко раскрытых глаз был устремлен на реку и будто застыл.

– Что? – подбежал к нему и принялся трясти за плечи мутант. – Что случилось?

Ответить Пистолетец не мог, его зубы продолжали стучать. Лузянин с трудом поднял трясущуюся беспалую руку и указал на реку.

Глеб обернулся. Шагах в двадцати от плота, выше по течению, как раз напротив тех кустов, в которых ночью ему почудилось шевеление, по груди в воде стояла девушка. Скорее, даже девочка, поскольку грудей, как таковых, у нее не имелось – так, едва наметившиеся пупырышки с грецкий орех величиной. А вот волосы у «русалки» были шикарные – густые, цвета темного золота, они распластались по воде широким, шевелящимся на течении веером.

Девочка неотрывно смотрела на Глеба и тоже дрожала. Только непонятно от чего – от холода или от страха. Вероятнее всего, от того и другого сразу.

В сторону девочки по берегу направился Сашок.

– Не бойся! – крикнул он незнакомке. – Мы хорошие, не тронем тебя!

Но, увидев покрытое темной коркой лицо Сашка, девочка затряслась еще сильнее и начала всхлипывать.

– Ну-ка, стой! – крикнул мутант пареньку. – Давай назад, на плот. Не видишь, что ли, она нас с тобой боится.

Сашок на пару мгновений замер, а затем, опустив голову, побрел в обратную сторону. Глеб же еще раз встряхнул за плечи Пистолетца, теперь уже сильнее и резче.

– Очнись! Ты чего? Не видишь, это просто девчонка!

– А т-ты от-ткуда з-знешь?... – наконец-то смог разжать зубы лузянин. – Хв-вост же п-под вод-дой...

– Да какой там хвост! Посмотри, она же стоит! На хвосте разве устоишь долго? И глянь, она же ребенок!

– У «д-диких» т-тумантов не может быть д-детей... – чуть меньше стал трястись Пистолетец.

– Так может она и не мутантка вовсе! – начал злиться Глеб. – Смотри, она замерзла совсем! А выйти не может – нас боится. Меня, то есть...

– И что? – почти успокоился лузянин.

– А то, что я вернусь сейчас на плот, а ты уговоришь ее выйти на берег.

– Суралки не выходят на герерб! Она тут того... – Пистолетец свесил на бок голову, закрыл глаза и высунул язык.

– Сам ты суралка! С двумя «эс» причем. Делай, что я тебе сказал! Иначе здесь останешься. И думай, прежде чем что-то сказать, а то она твоих словечек не поймет и еще больше напугается.

– Но ведь она не заходила в воду! – выкрикнул последний веский довод лузянин. – Она вылезла из реки!

– Или ты просто заснул и не видел, как она зашла, – прищурился Глеб. – Что намного вероятнее, не так ли?

Не дожидаясь ответа на риторический в общем-то вопрос, мутант повернулся и зашагал к плоту. Увидел, что Сашок, подняв голову, полулежит в своей лодке, упал вниз животом на листовенную подстилку и стал наблюдать за «русалкой».

Пистолетец, кряхтя и бормоча себе что-то под нос, побрел к девочке. Остановился шагах в десяти от нее и крикнул:

– Эй! Ты кто?

– А вы к-кто? – стуча зубами так же, как до этого лузянин, спросила купальщица.

– Мы – люди. А вот ты, интересно, вело... человек, или... нет?

– Я д-девочка... – ответила «русалка». – Я з-замерзла...

– Ну так и выходи! Я тебя не съем.

– А т-ты не к-каратель? Т-ты меня не убьешь?...

– Да какой я каратель?! – обиделся Пистолетец. – Вот, смотри! – поднял он обе «нестандартные» ладони. – И рдрузей... друзей, то есть, моих ты видела? Бывают такие каратели?...

Девочка замотала головой. Потом пропищала:

– От-твернись!..

– Это еще зачем?

– Я с-стесняюсь... Я г-голенькая...

– А!.. – хлопнул себя по лбу Пистолетец и отвернулся.

Глеб же отворачиваться не стал. Не из-за каких-то постыдных соображений, а чтобы окончательно убедиться: перед ними обычный человеческий ребенок. Ну, пусть не совсем обычный, с какими-нибудь мутациями, но уж точно без рыбьего хвоста.

Но когда девочка ушла с глубины и над водой показались ее худенькие ягодички, Глеб едва не вскрикнул. У «русалки» был хвост!.. Правда, не рыбий, и совсем маленький, с ладонь, не больше, но все-таки был...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.